

ДИАНА ГЭБЛДОН

Чужестранка

Книга 1

Восхождение к любви

18+

История, ставшая
культовым сериалом «Чужестранка»

Диана Гэблдон
Чужестранка. Книга 1.
Восхождение к любви
Серия «Чужестранка», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57386200

Чужестранка. Книга 1. Восхождение к любви:

ISBN 978-5-699-78547-6

Аннотация

Сага о великой любви Клэр Рэндолл и Джейми Фрэзера – любви, которой не страшны пространство и время, – завоевала сердца миллионов читателей во всем мире. Это история женщины, которая, оказавшись в совершенно непостижимой ситуации, нашла в себе силы и мужество противостоять обстоятельствам. 1945 год. Клэр Рэндолл, четыре года прослужившая медсестрой на фронте, возвращается к мирной жизни и воссоединяется со своим мужем Фрэнком. Они уезжают в Шотландию, чтобы отпраздновать свой второй медовый месяц и отыскать сведения о предках Фрэнка. Но одно мимолетное прикосновение к камню из древнего святилища – и Клэр необъяснимым образом переносится из XX века в 1743 год, в то время, когда Шотландию раздирала кровавая междоусобная война.

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	39
Глава 3	81
Глава 4	126
Глава 5	146
Часть вторая	157
Глава 6	157
Конец ознакомительного фрагмента.	166

Диана Гэблдон

Чужестранка

Книга 1

Восхождение к любви

*Памяти моей матери Жаклин Сайкс Гэблдон,
которая научила меня читать*

Люди исчезают постоянно. Спросите об этом у любого полицейского. Или, лучше, у журналиста. Для журналистов исчезновения – их хлеб. Молодые девушки убегают из дома. Дети уезжают от родителей и не возвращаются. Экономки поддаются искушению и, прихватив хозяйские деньги, прыгают в такси до вокзала. Биржевые игроки меняют имена и скрываются в клубах сигаретного дыма. Многие из пропавших находятся. Так или иначе. Живыми или мертвыми. Исчезновения в конце концов получают объяснение. Как правило.

© Черташ А., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Часть первая

Инвернесс, 1945 год

Глава 1

Новое начало

Это было не особенно подходящее место для исчезновения, по крайней мере на первый взгляд. Апартаменты миссис Бэйрд не отличались от тысячи других пансионатов в горной Шотландии 1945 года, опрятных и тихих: обои в цветочек, полы, натертые до блеска, в ванной надо опустить монетку, чтобы пошла горячая вода. Сама миссис Бэйрд оказалась маленькой и очень подвижной пышкой; ее нисколько не беспокоило, что Фрэнк разбрасывает книги и газеты – без которых не мыслит своей жизни – по ее крошечной гостиной с обоями в мелкую розу.

Я встретила миссис Бэйрд в передней перед выходом. Она ухватила меня за рукав и потянулась к моим волосам.

– Миссис Рэндолл, это возмутительно – показываться на люди с такой головой! Подождите, я немного приведу вас в порядок. Ну вот, уже лучше. Моя кухня рассказывала, что сделала перманентную завивку по новой технологии, выглядит великолепно и держится как надо. Может, и вам стоит

попробовать...

У меня не хватило духу признаться, что мои непокорные каштановые кудри – каприз природы, а не результат небрежности парикмахеров. Волосы миссис Бэйрд, уложенные аккуратными волнами, свидетельствовали о том, что к ее причёске отнеслись со всей серьезностью.

– Я непременно так и сделаю, миссис Бэйрд, – соврала я. – Я иду в деревню, мы договорились встретиться там с Фрэнком. Вернемся к чаю.

Выскочив за дверь, я быстро зашагала по дорожке, пока хозяйка не нашла в моем внешнем виде еще какие-нибудь недочеты. Четыре года прослужив медсестрой в Королевской армии, я радовалась отсутствию формы и с удовольствием носила светлые хлопчатобумажные платья, совершенно неподходящие для прогулок по вересковым пустошам. Не то чтобы прогулки подобного толка были мне очень интересны; мечты мои устремлялись совсем к другому: утром спать подольше, а вечера проводить в постели с Фрэнком, но уже не спать. Однако этот романтический план раз за разом проваливался из-за рвения и постоянства, с каким миссис Бэйрд пылесосила прямо у нас под дверью.

– Должно быть, это самый грязный ковер во всей Шотландии, – к такому выводу пришел Фрэнк этим утром, когда в прихожей спозаранку взревел пылесос.

– Почти такой же грязный, как воображение нашей хозяйки, – согласилась я. – Может, нам стоило поехать в Брайтон.

Нам выпал шанс отдохнуть перед тем, как Фрэнк вступит в должность профессора истории в Оксфорде, и выбрали Шотландию из-за того, что ее меньше других областей Британии коснулись ужасы войны, а лихорадочная веселость послевоенного времени охватила ее не в той степени, как многие другие курортные места. Кроме того – хоть мы и не проносили этого вслух, – для нашего брака горы Шотландии имели некое символическое значение; мы поженились семь лет назад и именно в Шотландии успели провести два дня медового месяца, перед тем как разразилась война. Мирное прибежище, где мы вновь обретем друг друга, – так мы думали, несколько упустив из виду, что если гольф и рыбалка – наиболее популярные виды спорта на открытом воздухе, то в закрытых пространствах здесь предпочитают сплетни и пересуды. Поскольку в Шотландии дождливо, люди проводят в последних больше времени.

– Ты куда собираешься? – спросила я, когда Фрэнк спустил ноги с кровати.

– Страшно не хочется разочаровывать старушку, – ответил он и, усевшись поудобнее на краю древней кровати, принялся раскачиваться взад-вперед.

Кровать пронзительно заскрипела. Пылесос в прихожей резко умолк. Поскрипев минуту или две, Фрэнк театрально застонал и с размаху откинулся назад, так что пружины зазвенели. Я захихикала и уткнулась в подушку, чтобы не спугнуть притаившуюся за дверью слушательницу. Фрэнк нахму-

рил брови.

– Ты должна биться в экстазе, а не хихикать, – прошипел он. – Иначе она решит, что любовник из меня никудышный.

– Тебе следовало бы уделить этому больше времени, чтобы услышать экстатические стоны. За две минуты ничего, кроме хихиканья, не получишь.

– Бессердечная ты развратница! Прошу не забывать, что я приехал отдыхать.

– Ты лентяй! Если не будешь работать, на твоём генеалогическом древе никогда не вырастет новая ветвь!

Страсть Фрэнка к генеалогии стала ещё одной причиной, по которой мы выбрали Шотландию. Если верить одному потрепанному клочку бумаги – Фрэнк везде носил его с собой, – то один из его занудных предков чем-то занимался в этих местах то ли в восемнадцатом, то ли даже в семнадцатом веке.

– Если я превращусь в засохший сучок на моем фамильном древе, то повинна в этом будет наша неутомимая хозяйка. Ведь мы женаты почти восемь лет. Фрэнк-младший может быть зачат на вполне законных основаниях и без свидетелей.

– Если он вообще будет зачат, – мрачно добавила я, вспомнив о разочаровании, которое мы пережили за неделю до отъезда.

– Воздух здесь бодрящий, а питание регулярное. Чем ещё можно помочь делу?

Позавчера на обед подавали жареную сельдь. Вчера на ланч – соленую, а сегодня на завтрак, судя по запаху из кухни, должны были подать копченую.

– Если не хочешь дать миссис Бэйрд еще один повод для нотации, – сказала я, – то тебе, пожалуй, пора одеваться. Ты ведь, кажется, должен встретиться с пастором в десять?

Достопочтенный доктор Реджиналд Уэйкфилд, местный викарий, обещал дать Фрэнку изучить невероятно увлекательные записи о крещениях, не говоря уже о блестящей перспективе откопать в архивах какие-нибудь ветхие офицерские списки или хотя бы упоминание о пресловутом предке.

– А как звали твоего прапрапрадедушку, который ошивался в этих краях во время одного из восстаний? – спросила я. – Не могу вспомнить: Уилли или Уолтер...

– Вообще-то его звали Джонатан.

Фрэнк в целом спокойно относился к тому, что я не проявляю интереса к истории его семьи, но постоянно был наготове, чтобы воспользоваться малейшим любопытством с моей стороны для сообщения фактов о генеалогическом древе Рэндоллов. Он застегивал рубашку, а в глазах уже зажегся фанатичный блеск увлеченного преподавателя истории.

– Джонатан Уолвертон Рэндолл – Уолвертоном его назвали в честь дяди по матери, рыцаря из Суссекса. Но он был известен под лихим прозвищем Черный Джек, которое он получил в армии, думаю, как раз во время службы в этих местах. Я упала ничком на постель и изобразила храп. Фрэнк,

не обращая на меня внимания, продолжил свою лекцию:

– Он купил патент на офицерский чин в середине тридцатых годов, я имею в виду тысяча семьсот тридцатых, и стал драгунским капитаном. Судя по тем старым письмам, которые отправила мне кузина Мэй, он нес службу отлично. Недурной вариант для второго сына. Младший из троих братьев, согласно традиции, стал викарием, но о нем мне пока не удалось много узнать. Во всяком случае, Джек Рэндолл получил похвалу от герцога Сандрингема за свои действия накануне и во время событий сорок пятого года, то есть второго якобитского восстания. – И добавил снисходительно, чтобы убедиться, что невежественная аудитория в лице меня владеет контекстом: – Ну ты же знаешь, Красавчик принц Чарли и вот это все ¹.

– Не уверена, что шотландцы до конца осознали, что они проиграли в тот раз, – заметила я, усаживаясь на постели и пытаясь привести в порядок волосы. – Вчера в пабе слышала, что бармен называл нас «сассенах».

– А почему нет? – благодушно отозвался Фрэнк. – Это всего-навсего означает «англичанин» или, в крайнем случае, «чужак», а мы и есть чужаки.

– Я знаю, что это означает. Мне не понравился его тон. Фрэнк порылся в ящике стола в поисках своего ремня.

¹ Красавчик принц Чарли – одно из прозваний принца Карла Стюарта (1720–1788), или Младшего претендента, возглавившего якобитское восстание (1745–1746). Якобиты – сторонники короля Якова II (правил в 1685–1688) и его наследников. (Здесь и далее прим. пер.)

– Он просто обиделся. Я сказал, что эль у них слабый. Потому как, видишь ли, в бочку с настоящим шотландским элем полагается бросить для крепости старый башмак, а готовый продукт процедить через хорошо поношенную единицу нижнего белья.

– А-а, так вот что повлияло на сумму счета!

– Я выразился даже более деликатно потому, что в гэльском языке ² нет слова для штанов или трусов.

Я потянулась за собственными трусиками, заинтригованная.

– А почему нет? Разве шотландцы в старину не носили нижнего белья?

Фрэнк покосился на меня.

– А ты никогда не слышала песенку о том, что носит шотландец под своим килтом?

– Надеюсь, что не панталоны до колен, как настоящие джентльмены, – сухо заметила я. – Может, мне, пока ты развлекаешься с викарием, поискать местного любителя национальной одежды и спросить у него?

– Пожалуйста, только постарайся, чтобы тебя не арестовали, Клэр, декан колледжа Святого Гилберта вряд ли это оценит.

Я не встретила ни одного шотландца в килте, который сло-

² Гэльский (гаэльский, шотландский, эрский) язык – один из кельтских языков; распространен в Северо-Западной Шотландии. По происхождению – диалект ирландского языка.

нялся бы по городской площади или посещал местные магазины. Но там были другие люди, в основном домохозяйки вроде миссис Бэйрд, совершающие покупки. Они громко болтали и обменивались сплетнями; их дородные фигуры, облаченные в платья из набивного ситца, делали атмосферу в магазинах какой-то особенно уютной и теплой на контрасте с холодной моросью снаружи.

Поскольку собственного дома у меня не было, то покупать мне было почти нечего, но разглядывание товаров, вновь в изобилии появившихся на полках, доставляло удовольствие. Мы так долго жили по карточкам, обходясь даже без таких необходимых вещей, как мыло и яйца, а уж о малейшей роскоши вроде одеколona «Голубой час» и говорить нечего.

Я задержалась у витрины магазина товаров для дома: там были вышитые чайные скатерти и салфетки, кувшины и бокалы, комплект форм для выпечки и набор из трех ваз.

Ваз у меня никогда не было. Во время войны я жила в общежитии для медсестер, сначала в госпитале Пемброк, позднее – в полевом госпитале во Франции. А до войны мы нигде не жили подолгу и потому собственного жилья у нас не появилось. Купи я себе вазочку, дядя Лэмб наполнил бы ее своими древними черепками еще до того, как я оказалась бы рядом с букетом маргариток.

Квентин Лэмберт Бошан. Кью – для студентов-археологов и для друзей, доктор Бошан – в ученых кругах, которые были для него всем. Но для меня всегда только дядя Лэмб. Един-

ственный брат моего отца и мой единственный живой родственник, я свалилась на его голову пятилетней девочкой, когда мои родители погибли в автокатастрофе. В то время он как раз планировал путешествие на Средний Восток, все отложил, чтобы устроить похороны, продать имущество родителей, а меня поместить в хорошую школу-интернат для девочек. «Помещаться» в эту школу я отказалась наотрез. Дядя Лэмб ненавидел личные конфликты любого рода; столкнувшись с необходимостью отдирать мои пухлые пальчики от двери автомобиля и насильно волочить меня по ступенькам в школу, он устало вздохнул, пожал плечами и выбросил из окна машины свои благие намерения вместе с моей новой соломенной шляпкой.

– Жуть какая, – пробормотал он, глядя в зеркало заднего вида на то, как шляпка весело катится по дороге, пока мы набираем скорость, удаляясь в противоположном направлении. – Всегда ненавидел дамские шляпки. Любые. – Он сурово посмотрел на меня и добавил: – Запомни одно: ты не будешь играть моими персидскими резными статуэтками. Все, что угодно, только не это. Поняла?

Я удовлетворенно кивнула. И поехала с ним на Средний Восток, потом в Южную Америку, а потом еще в самые разные уголки мира. Я научилась читать и писать по заголовкам в журналах, научилась копать уборные, кипятить воду и делать еще множество вещей, совершенно не подходящих для девицы хорошего происхождения, и занималась всем этим,

пока не встретила красивого темноволосого историка, который приехал к дяде проконсультироваться по поводу возможных связей между французской философией и египетскими религиозными обрядами.

Но и после нашей свадьбы с Фрэнком мы вели кочевой образ жизни, типичный для молодых ученых, которым приходится жить либо в гостиницах во время научных конференций, либо в съемных квартирах. Потом началась война, Фрэнк попал в офицерскую школу, а оттуда в разведгруппу МИ-6, а я поступила в школу медсестер. И хотя мы женаты почти восемь лет, нашим первым собственным домом будет новый дом в Оксфорде.

Крепко зажав сумку под мышкой, я вошла в магазин и купила вазы. Я встретила Фрэнка на Хай-стрит, у поворота на Джирисайд-роуд, по которой мы пошли вместе. Увидев мои покупки, он приподнял брови.

– Вазы? – улыбнулся он. – Замечательно. Наконец-то перестанешь засовывать цветы в мои книги.

– Это ведь не одно и то же, в книгах у меня образцы, нечто вроде гербария. Ты же сам предлагал, чтобы я занялась ботаникой. Раз уж я больше не медсестра, нужно найти себе какое-то увлечение.

– Верно. – Фрэнк одобрительно кивнул. – Но я не предполагал, что каждый раз, как открою справочник, мне на колени будет сыпаться сушеная зелень. Что это за сорняки ты положила в Таскама и Бэнкса?

– Горец перечный. Помогает при геморрое.

– Готовишься к моей близкой старости? Как это предугадать со твоей стороны, Клэр!

Смеясь, мы вошли через калитку во двор, и Фрэнк остановился, чтобы пропустить меня вперед по узкой лесенке к входу.

Внезапно он схватил меня за руку.

– Постой! Не наступи.

Я остановилась, занеся ногу над большим коричнево-красным пятном на ступеньке.

– Странно, – сказала я. – Миссис Бэйрд скоблит и моет эти ступеньки каждое утро, я видела. Как думаешь, что это?

Фрэнк наклонился пониже и опасливо принялся.

– В общем-то, кажется, это кровь.

– Кровь! – Я отступила на шаг. – Чья? – И с беспокойством заглянула в дом. – Думаешь, с миссис Бэйрд могло что-то произойти?

Я не могла себе представить, чтобы наша чистюля-хозяйка добровольно оставила кровавые пятна сохнуть на ступеньках возле двери. Исключение – произошло нечто чрезвычайное. На секунду представила, что в гостиную ворвался маньяк-убийца с топором в руках, готовый на нас наброситься.

Фрэнк покачал головой. Приподнявшись на цыпочки, заглянул через забор в соседний дворик.

– Вряд ли. У Коллинзов на пороге точно такое же пятно.

– Правда?

Я подошла к Фрэнку – во-первых, мне и самой хотелось посмотреть через забор, а во-вторых, я нуждалась в моральной поддержке.

Трудно представить себе Шотландию в качестве сцены для серийных убийств, но преступники такого рода вряд ли руководствуются логикой при выборе места.

– Это все как-то... неприятно, – заметила я. На соседнем участке тоже не было никаких признаков жизни. – Как ты думаешь, что случилось?

Фрэнк сдвинул брови и задумался. Вдруг его осенило, и он с досадой хлопнул себя по ноге.

– Кажется, я понял! Подожди секунду.

Он бросился к калитке и выбежал на дорогу, оставив меня в полном недоумении стоять возле крыльца. Вернулся он очень скоро, просветленно сияя.

– Да, пожалуй, я прав, так и есть. Такие же пятна возле каждого дома на нашей улице.

– Ну и что это значит? Визит маньяка?

Я говорила резковато: разнервничалась, оставшись наедине с огромным кровавым пятном.

Фрэнк засмеялся:

– Нет, это ритуальная жертва.

Он опустил на четвереньки и устался на пятно с большим интересом. Его объяснение звучало не намного утешительнее, чем маньяк-убийца. Я присела на корточки рядом

с Фрэнком и понюхала пятно. Для мух было еще рано, но возле высыхающей лужи сидели два больших шотландских комара.

– Что ты имеешь в виду? – спросила я. – Миссис Бэйрд добропорядочная христианка и исправно ходит на службу, ее соседи тоже. Здесь все-таки не жертвенный холм друидов.

Фрэнк поднялся и отряхнул брюки.

– Все-то ты знаешь, милая моя. А между тем, нет другого такого места на земле, где магия и колдовство так прочно входили бы в повседневную жизнь, как здесь, в горной Шотландии. Церковь церковью, но миссис Бэйрд все равно верит в Старый Народец, и ее соседи тоже.

Кончиком начищенного ботинка он показал на пятно.

– Это кровь черного петуха, – объяснил он. – Дома совершенно новые. Сборные, фабричного производства.

Я посмотрела на него довольно холодно.

– Если ты считаешь, что все объяснил, то ты заблуждаешься. Какая разница, старые это дома или новые? И куда все люди пропали?

– Думаю, они в пабе. Пойдем посмотрим?

Фрэнк взял меня за руку и повел к калитке, а потом вниз по Джирисайд-роуд.

– В старые времена, – начал он по дороге, – при закладке дома убивали какое-нибудь живое существо и закапывали под фундаментом как ритуальную жертву местным духам. Обычай древний, как эти холмы. «И зароет он первенца сво-

его в основании дома, а младшего сына под воротами».

Я вздрогнула от этой цитаты.

– Слава богу, что в наше время они ушли от варварства и приносят в жертву всего лишь петухов. Хочешь сказать, что, поскольку дома новые и при постройке никто ничего под ними не закапывал, их владельцы теперь исправили ошибку?

– Именно так. – Фрэнк, явно довольный моей сообразительностью, похлопал меня по спине. – По словам викария, многие местные верят, что война была послана в наказание за то, что люди отказались от старинных обычаев, забыли о корнях, например, перестали закапывать жертвы под фундаментом и сжигать рыбы кости в камине, за исключением костей пикши.

Он так и сиял, углубившись в интересную тему.

– Кости пикши сжигать никак нельзя. В противном случае ты больше никогда ни одной не поймешь. Кости пикши надо закапывать в землю.

– Я запомню, – пообещала я. – Скажи мне, что сделать, чтобы больше не видеть сельдь, и я тут же последую инструкции.

Фрэнк рассеянно покачал головой, погружившись в одну из своих ученых медитаций, в ходе которых он собирал с мысленных полок все сведения на нужную тему, полученные из самых разнообразных источников, – в такие минуты он совершенно терял связь с реальностью.

– Насчет селедки не знаю, – ответил он с отсутствующим

выражением лица. – Но от мышей надо повесить пучки травы под названием «дрожащий джок» и произнести заклинание: «Дрожащий джок повесим тут, и мыши в доме пропадут». Кажется, так. А что касается зарытых под фундаментом жертв, то из этой традиции вышли все легенды о призраках. Помнишь большой дом в конце Хай-стрит? Он называется «Маунтджералд». Так вот, в нем обитает призрак одного из рабочих, которые строили этот дом. Рабочего, как гласит предание, зарыли под домом в качестве ритуальной жертвы. Это случилось в восемнадцатом веке, не так уж давно.

Фрэнк немного помолчал, потом продолжил:

– Говорят, что по приказу владельца одну из стен возвели первой, а потом сбросили каменный блок на голову рабочему – скорее всего, тому парню, который всем докучал и потому был избран жертвой. Его похоронили там же, а потом над ним возвели дом. Он появляется в чулане, под полом которого его зарыли, но только в годовщину своей смерти или в один из четырех Старых Дней.

– Старых Дней?

– Это старинные кельтские праздники, – объяснил Фрэнк, все еще блуждая по лабиринтам памяти. – Хогманай, канун Нового года, Иванов день, потом Белтейн, или Праздник кельтских костров, и День Всех Святых. Друиды, древние пикты, да и вообще все древние народы Британии устраивали празднества огня и солнца. В такие дни призраки по-

лучают свободу бродить по окрестностям и творить злые или добрые дела на свое усмотрение.

Он в задумчивости потер подбородок.

– Белтейн как раз подходит, его отмечают незадолго до весеннего равноденствия. Когда в следующий раз будешь проходить мимо кладбища, держи ухо востро.

Глаза у Фрэнка весело заблестели, и я поняла, что он вышел из транса. Я засмеялась:

– И много здесь знаменитых призраков?

Фрэнк пожал плечами.

– Право, не знаю. Давай спросим викария, когда увидим его в следующий раз, согласна?

Викария мы увидели очень скоро. Он, как и большинство его прихожан, сидел в пабе и потягивал лагер в честь нового освящения домов. Он казался смущенным: ведь его застукали на том, что он сквозь пальцы смотрит на языческие ритуалы, однако он тут же свел все к наблюдению за местным фольклорным колоритом, вроде ирландской традиции с клевером.

– Это невероятно увлекательно, – доверительно сообщил он, и я тут же, мысленно вздохнув, опознала песенку ученого, столь же узнаваемую, как трели лесного дрозда.

Распознав родственную душу, Фрэнк подсел к нему, и оба тотчас погрузились в разговоры об архетипах и параллелях между древними верованиями и современной религией. Я пожалала плечами, протолкалась сквозь толпу к стойке и вер-

нулась назад с двумя бокалами бренди с водой.

Зная, как трудно отвлечь Фрэнка от подобных дискуссий, я просто сунула рюмку ему в руку и оставила их наедине. На широкой скамейке у окна я нашла миссис Бэйрд, где она пила пинту горького пива в обществе мужчины средних лет, который был мне представлен как мистер Крук.

– Я говорила вам о нем, миссис Рэндолл, – заявила она с горящим от алкоголя и присутствия мистера Крука глазами. – Это тот самый, кто знает все растения. Миссис Рэндолл ужас как интересуется травами, – немедленно поведала она своему приятелю, наклонившему к ней голову отчасти из вежливости, отчасти из-за неважного слуха. – Она их засовывает в книжки и сушит.

– В самом деле? – Мистер Крук изогнул косматую правую бровь, совершенно седую. – У меня есть специальные гербарные сетки для засушивания и всякого такого. Остались от племянника, он в университете учится, приезжает сюда на каникулы. Он привез их для меня, а у меня не хватило духу сказать ему, что я таким не пользуюсь. Травы надо сушить в пучках или на раме, а потом хранить в мешочках из марли или в кувшинах. Зачем расплющивать эти маленькие создания, ей-богу, не могу понять.

– Но быть может, – мягко вмешалась миссис Бэйрд, – миссис Рэндолл хочет составить из сушеных фиалок или мальв красивые картинки, чтобы повесить на стену в рамке?

– Ммхм... – По морщинистому лицу мистера Крука нель-

зя было определить, как он отнесся к этому сообщению. – Ладно, миссис, ежели эти сетки вам нужны, вы можете их забрать, с радостью отдам. Грешно выбрасывать добро, а мне от них никакого проку.

Я заверила мистера Крука, что с удовольствием приму в дар решетки, но еще больше меня обрадует, если он покажет мне, где здесь можно найти кое-какие редкие растения. Несколько секунд он пристально смотрел на меня, склонив голову набок, словно потрепанная жизнью пустельга, но, внутренне убедившись, что интерес мой не таит в себе никакого подвоха, назначил встречу на утро, чтобы провести мне экскурсию по местным зарослям. Фрэнк, насколько я помнила, собирался в Инвернесс на весь день, чтобы просмотреть какие-то записи в городской ратуше, и я была рада предложению не ехать вместе с ним. Мне все эти записи казались скучными и ничем не отличающимися одна от другой.

Вскоре Фрэнк оторвался от викария, и мы отправились домой в обществе миссис Бэйрд. Я постеснялась обсуждать с ней пятно крови на крыльце; что же до Фрэнка, то он застенчивости не испытывал и начал подробно расспрашивать ее о природе этого обычая.

– Он, наверное, очень древний? – спросил он, похлестывая прутом придорожную траву.

Уже распустились желтые примулы, зацвели первые анемоны, а почки на раkitнике набухли; еще неделя – и появятся сережки.

– О да, – отозвалась миссис Бэйрд, шагая рядом с нами вперевалочку. – Никто и не знает точно, когда он появился. Наверное, это случилось еще до великанов.

– Великанов? – удивилась я.

– Да, великаны Фьонн и Фейн, разве вы не слышали?

– Это герои гэльских сказок, – подхватил Фрэнк. – Вероятно, они имеют скандинавское происхождение. Влияние викингов здесь можно обнаружить повсюду, вдоль всего западного побережья. Даже названия некоторых мест скандинавские, а не гэльские.

Я округлила глаза, опасаясь негативной реакции со стороны миссис Бэйрд, но она только улыбнулась и согласилась с Фрэнком: да, все так и есть, она сама, когда ездила на север, видела камень, который называется Два Брата. Он ведь скандинавский, верно?

– Скандинавы появлялись в этих краях на протяжении сотен лет, начиная примерно с пятисотого года от Рождества Христова и до тысяча трехсотого, – ответил Фрэнк, мечтательно посмотрев на облака у горизонта, словно их очертания напоминали ему драконоподобные ладьи викингов. – Викинги! Они привезли с собой множество преданий и мифов, которые здесь легли в благодатную почву. В этом краю будто видишь начало вещей.

В это я могла поверить. Спускались сумерки, и вместе с ними надвигалась гроза. Какой-то неземной, волшебный свет разливался под облаками, и даже свежестроенные до-

ма вдоль дороги казались такими же древними и мрачными, как источенный ветрами пиктский столб в сотне футов от нас, вот уже тысячу лет маркирующий перекресток. В такой вечер лучше всего сидеть дома и держать ставни закрытыми.

Тем не менее Фрэнк решил зайти на стаканчик шерри к местному адвокату мистеру Бейнбриджу, который интересовался стариной и архивами, вместо того чтобы остаться в уютной гостиной миссис Бэйрд и полюбоваться при помощи стереопроектора на гавань Перта. Освежив в памяти предыдущую встречу с мистером Бейнбриджем, я выбрала Перт.

– Постарайся вернуться до грозы, – попросила я, целуя Фрэнка на прощание. – Передай мистеру Бейнбриджу мои извинения.

– Ммм, да. Да, разумеется.

Старательно избегая встречаться со мной взглядом, Фрэнк набросил пальто и ушел, прихватив зонтик из стойки у порога.

Я закрыла за ним дверь, но не стала опускать защелку, чтобы он мог войти, никого не разбудив. Я вернулась в гостиную, по пути размышляя, что сейчас Фрэнк охотно сделал бы вид, что жены у него нет, а мистер Бейнбридж столь же охотно ему подыграл. И все это совершенно справедливо.

Во время нашего вчерашнего визита к адвокату поначалу все шло хорошо. Я вела себя скромно, деликатно, разумно, очень благопристойно, оделась прилично и неброско – словом, воплощала собой идеал супруги профессора и чле-

на совета колледжа. Это длилось ровно до того момента, как подали чай. Вспомнив об этом, я повернула руку ладонью вверх и посмотрела на продолговатый волдырь под основанием сразу четырех пальцев. Но это же не моя вина, что мистер Бейнбридж, будучи вдовцом, пользовался дешевым жестяным чайником вместо фарфорового. И не моя вина, что он любезно попросил меня разлить чай. И тем более не моя вина, что прихватка оказалась дырявой и раскаленная ручка чайника оказалась прямо на моей коже.

Нет, решила я. Бросить чайник – совершенно естественная реакция. Чайник упал на колени мистеру Бейнбриджу, но это просто досадная случайность: куда-то же я должна была его уронить. Однако кульминация этой сцены случилась, когда я что есть мочи заорала: «Чертов, мать его за ногу, чайник!» – этот вопль слился и даже перекрыл крик мистера Бейнбриджа, а Фрэнк кинул на меня уничтожающий взгляд поверх блюда со сконами.

Придя в себя, мистер Бейнбридж повел себя как истинный джентльмен; он хлопотал над моей обожженной рукой и никак не реагировал на Фрэнка, рассыпавшегося в извинениях за мои ругательства, которых я, с его слов, нахваталась за два года службы в военно-полевом госпитале.

– Боюсь, моя жена узнала там некоторое количество, э-э, крепких выражений от янки и подобной публики, – пояснил Фрэнк, нервно улыбаясь.

– Так и есть, – подтвердила я, сжимая зубы от боли и об-

матовая руку мокрым полотенцем. – Мужчинам свойственно выражаться крепко, когда из них достают осколки шрапнели.

Мистер Бейнбридж тактично попытался перевести разговор в русло истории: он заявил, что его всегда интересовали бранные выражения и их эволюция. Вот хотя бы фраза «какого черта» первоначально подразумевала «какой именно черт вам нужен» и использовалась для того, чтобы различать обитателей преисподней, у которых была своя жесткая иерархия.

– Да-да, конечно, – подхватил Фрэнк. – Клэр, сахара мне не клади, пожалуйста... Или вот, например, местное «Gadzooks». Что думаете? Первая часть, видимо, относится к богу. А вот вторая...

– Знаете, – отозвался адвокат, – мне приходило в голову, что это может быть искаженное гэльское слово «уеук». Оно означает щекотку или чесотку. Похоже на правду, так ведь?

Фрэнк кивнул, и легкомысленная для профессора прядь упала ему на лоб. Он машинально отвел ее назад.

– Да, вся эволюция обценной лексики крайне любопытна.

– И она все еще продолжается, – вклинилась я, осторожно подхватив щипчиками кусок сахара.

– В самом деле? – отозвался мистер Бейнбридж. – Вы слышали какие-нибудь особенно интересные варианты за время вашей... мм... службы?

– О да, – ответила я. – Особенно мне понравилось одно, я узнала его именно от янки. Некто по фамилии Уильямсон, родом, кажется, из Нью-Йорка. Он использовал это выражение каждый раз, когда я меняла ему бинты.

– Какое же это выражение?

– Иисус твою Рузвельт Христос! – ответила я и опустила кусок сахара в чашку Фрэнка.

После вполне мирного и даже приятного вечера с миссис Бэйрд я поднялась к себе, чтобы подготовиться к возвращению Фрэнка. Я знала его норму – две порции шерри, так что он должен был вернуться уже скоро.

Ветер крепчал, и даже в спальне воздух был будто наполнен электричеством. Я провела щеткой по волосам – и они защелкали и встопорщились, встав вокруг головы. Но я решила, что сегодня ночью мои волосы себе такого позволить не могут. Я вознамерилась во что бы то ни стало зачесать их назад, но они упорно лезли в лицо.

В кувшине ни капли воды; Фрэнк использовал всю, когда умывался, собираясь к мистеру Бейнбриджу, а я не подумала о том, чтобы снова наполнить его в ванной. Я взяла флакон «Голубого часа», щедро плеснула его на ладонь, а потом обеими руками быстро пригладила волосы. Потом я смочила щетку и зачесала ею волосы за уши. Прекрасно. Так куда лучше, решила я, крутя головой перед покрытым пятнами зеркалом. Влага ликвидировала статическое электричество

с волос, и теперь они лежали тяжелыми блестящими волнами вокруг лица. Спирт испарился, а тонкий аромат остался. Фрэнку понравится, ему вообще нравится «Голубой час».

За окном ослепительно вспыхнула молния, а следом загремел гром. Свет погас, и я очутилась в крошечной тьме. Ощупью нашла стол. Где-то должны быть спички и свечи; в Шотландии перебои с электричеством – обычное дело, так что свечи – необходимый предмет обихода в любой гостинице. Я видела их даже в самых роскошных отелях – там они благоухали жимолостью, стоя в подсвечниках из матового стекла с блестящими подвесками.

У миссис Бэйрд свечи были самые обыкновенные, но зато их было много и к ним три книжечки с картонными спичками. В моем положении изыски меня не интересовали.

Я вставила свечу в голубой керамический подсвечник на туалетном столике во время следующей вспышки молнии, потом зажгла еще несколько свечей, пока вся комната не наполнилась теплым мерцающим светом. Мне это показалось очень романтичным, и я щелкнула выключателем, чтобы возвращение электричества не испортило атмосферу в самый неподходящий момент.

Свечи не успели уменьшиться даже на полдюйма, когда дверь открылась и в комнату стремительно вошел Фрэнк. Воздушный вихрь, ворвавшийся с лестницы вслед за ним, задул разом три свечи. Дверь от сквозняка захлопнулась с громким стуком, и погасли еще две; Фрэнк замер, взгляды-

ваясь в полумрак и запустив руку в растрепанные волосы. Я встала и снова зажгла свечи, попутно ворча насчет его способов заходить в помещение. Лишь после этого, обернувшись к Фрэнку, чтобы спросить, как он провел время, увидела, что он блее простыни.

– Что случилось? – спросила я. – Ты видел привидение?

– Знаешь, – медленно проговорил он, – может, и так.

С отсутствующим видом он поднял мою щетку для волос и уже собирался воспользоваться ею, но, учуяв запах одеколona, сморщил нос, вернул щетку на место и достал из кармана расческу.

Я выглянула в окно, за которым из стороны в сторону раскачивались вязы, словно огромные руки. Где-то с другой стороны дома о стену ударялся отвязавшийся ставень, и мне подумалось, что стоит закрыть и наши, хотя буря за окном была удивительно зрелищной.

– Не слишком ли шумно и ветрено для призраков? – спросила я. – Мне казалось, они предпочитают тихие туманные вечера на кладбищах.

Фрэнк немного нервно рассмеялся.

– Не знаю, может, дело в историях, которые рассказывал Бейнбридж, да и шерри я выпил немного больше, чем стоило. Наверное, воображение разыгралось.

Но я уже ощущала любопытство.

– Что ты видел? – спросила я, присев на стул возле туа-

летнего столика и кивнув на бутылку с виски. Фрэнк тут же подошел и взял два стакана.

– Я видел всего-навсего человека, – заговорил он, налив себе поменьше, а мне раза в два больше виски. – Он стоял на дорожке.

– Возле дома? – засмеялась я. – Это точно призрак, реальному человеку вряд ли придет в голову стоять на улице в такую погоду.

Фрэнк наклонил кувшин над своим стаканом, но вода не полилась, и он с упреком взглянул на меня.

– Нечего на меня смотреть, – сказала я. – Это ты израсходовал всю воду. Я охотно выпью чистого.

Для демонстрации своего намерения я сделала смелый глоток.

Фрэнк хотел спуститься вниз за водой, но передумал и начал рассказывать, потягивая виски с таким видом, словно там был не отменный «Гленфиддих», а что-то вроде купороса.

– Да, он стоял в садике у забора. Я подумал... – Фрэнк запнулся и зачем-то посмотрел в стакан. – Я подумал, что он смотрит на твое окно.

– На мое окно? Как странно!

Я ощутила невольную дрожь и все-таки пошла закрывать ставни.

Фрэнк последовал за мной, не прерывая рассказ:

– Да-да, я и сам видел тебя оттуда. Ты причесывалась и

при этом ругалась, потому что волосы наэлектризовались и стояли вокруг головы.

– В таком случае парню должно было быть весело, – заметила я.

Фрэнк покачал головой, улыбнулся и погладил меня по голове.

– Нет, он не смеялся. Напротив, он казался ужасно расстроенным. Я не видел его лица, но поза была говорящая. Я подошел к нему сзади и, поскольку он стоял неподвижно, спросил, могу ли я помочь. Наверное, он меня не слышал, да и неудивительно в такую грозу, поэтому я повторил вопрос и уже было взял его за плечо, чтобы привлечь к себе внимание. Но не успел я этого сделать, как он внезапно повернулся, обошел меня и зашагал вниз по дороге.

– Не слишком вежливо, но как-то... не вовсе не призрачно, – сказала я, допив виски. – А какой он был из себя?

– Здоровенный детина. – Фрэнк нахмурился. – Шотландец, одет в национальную одежду, вплоть до споррана – шотландской сумки, отделанной мехом, – и великолепной броши с изображением бегущего оленя, которой был заколот его килт. Я даже хотел спросить, где он ее взял, но он исчез прежде, чем я успел это сделать.

Я подошла к столу и налила себе еще виски.

– Но ведь присутствие шотландца в таком виде в этих местах вполне естественно, разве нет? Я не раз встречала таких мужчин в деревне.

– Н-н-нет, – протянул Фрэнк. – Нет, мне показалась странной не его одежда. Когда он прошел мимо меня... в общем, он прошел очень близко и должен был задеть мой рукав, но этого не произошло. Я был очень удивлен всем этим и поэтому посмотрел ему вслед. Он шел вниз по Джирисайд-роуд, но, не дойдя до угла... испарился. Вот тут-то у меня и встали дыбом волосы.

– Но ты мог отвлечься и не заметить, как он отошел в тень, – предположила я. – На углу улицы много густых деревьев.

– Готов поклясться, что не отрывал от него глаз, – проворчал Фрэнк и вдруг встрепенулся. – Знаю! Я вспомнил теперь, почему мне все это показалось таким необычным, хотя и не сразу понял, что меня смутило.

– И что же показалось тебе странным?

Меня, признаться, уже утомил разговор о призраке, хотелось перейти к более насущным делам, например к постели.

– Ветер дул жуткий, но его одежда – плед и прочее – шевелились не от ветра, а только от его собственных движений, от походки.

Мы уставились друг на друга.

– Да, – отозвалась я, – это и в самом деле не совсем нормально.

Фрэнк пожал плечами и засмеялся, отгоняя страхи.

– Во всяком случае, мне есть что обсудить с викарием в следующий раз. Может, это хорошо известный местный при-

зрак и викарий расскажет мне его кровавую историю. – Фрэнк посмотрел на часы. – Пора в постель.

– Да уж, – промурлыкала я.

Я видела в зеркале, как он расстегивает рубашку, и потянулась за вешалкой. Но рука Фрэнка замерла на третьей пуговице.

– Скажи мне, Клэр, во время службы у тебя было много раненых шотландцев? – резко спросил он. – В полевом госпитале или в Пемброке?

– Конечно, – ответила я немного удивленно. – В полевом госпитале в Амьене были шотландцы из кланов Сифорт и Кэмерон, а потом еще поступили раненые из клана Гордон. Приятные ребята. Большинство. Очень стойкие, но уколов боялись до смерти.

Я невольно улыбнулась, вспомнив одного из них.

– У нас был один старый ворчун, волынщик из клана Сифорт. Терпеть не мог уколы, особенно в ягодицу. Мог часами терпеть ужасную боль, прежде чем удавалось приблизиться к нему с иглой, но и тогда начинал упрашивать, чтобы кололи в руку, хотя инъекция должна была быть внутримышечной. Он говорил: «Если уж надо лечь ничком да еще с голой задницей, то надо, чтобы девушка была подо мной, а не позади меня, и уж точно не со шляпной булавкой в руке».

Фрэнк улыбнулся, но был явно смущен, как и всякий раз после моих грубоватых военных историй.

– Не беспокойся, – заверила я, заметив неловкость, – рас-

сказывать об этом в студенческой гостиной я не стану.

Улыбка сделалась более открытой, он подошел к туалетному столику и, остановившись у меня за спиной, поцеловал в макушку.

– Ты тоже не беспокойся, – сказал он. – Студенты отдадут тебе должное, ты завоеешь всеобщую любовь независимо от того, что за истории будешь рассказывать. Как чудесно пахнут твои волосы.

– Тебе нравится?

Руки Фрэнка скользнули по моим плечам и остановились на груди под тонкой ночной рубашкой. Его лицо отражалось в зеркале, подбородок был прижат к моей макушке.

– Мне нравится все, что связано с тобой, – сказал он хрипловато. – При свечах ты выглядишь волшебно. Глаза словно вишни в хрустальном бокале и кожа цвета слоновой кости. Ты ведьма свечного света. Надо совсем отменить электрическое освещение, как думаешь?

– Тогда будет трудно читать в постели, – ответила я, сердце билось тяжело и часто.

– Я бы предпочел заниматься в постели совсем другими вещами, – пробормотал он.

– Вот как? – Я встала и обняла его за шею. – И какими?

Потом, когда мы лежали, тесно прижавшись друг к другу при закрытых ставнях, я подняла голову с его плеча и спро-

сила:

– Почему ты спросил об этом? О том, приходилось ли мне ухаживать в госпитале за шотландцами. Ты же знаешь, что приходилось, ведь в госпитале кого только не было.

Он пошевелился и нежно провел рукой по моей спине.

– Н-ну-у, знаешь... Просто, когда я увидел этого шотландца снаружи, мне пришло в голову, что, может быть... – Он смущенно умолк. – Ну, вдруг это твой бывший пациент... узнал откуда-то, что ты здесь, приехал повидать тебя... что-нибудь вроде того.

– В таком случае почему бы ему не постучать и не спросить обо мне?

– Может, он не хотел встречаться со мной, – ответил Фрэнк нарочито небрежным тоном.

Я приподнялась, оперлась на локоть и посмотрела ему в лицо. Мы оставили гореть одну свечу, и я хорошо видела его. Он отвернулся и с необыкновенной увлеченностью принялся разглядывать литографию с портретом Красавчика принца Чарли, которой миссис Бэйрд украсила комнату.

Я ухватила его за подбородок и повернула лицом к себе. Он широко распахнул глаза в притворном изумлении.

– Уж не предполагаешь ли ты, – начала я, – что мужчина, которого ты видел на улице, это... это...

Я не могла найти нужного слова.

– Любовник? – попытался помочь мне Фрэнк.

– Некто, имеющий на меня виды? – сформулировала я.

– Нет-нет, разумеется, нет, – ответил Фрэнк неуверенно.

Он убрал мои руки со своего подбородка и попытался меня поцеловать, но на этот раз была моя очередь увернуться. Он сел рядом со мной.

– Просто... – начал он. – Пойми, Клэр, ведь прошло шесть лет. Мы виделись только три раза, причем в последний раз всего на один день. Ничего сверхъестественного в том, что... Я хочу сказать, военные врачи и медсестры постоянно испытывают стресс и часто находятся в экстремальных ситуациях... Я бы понял, если бы что-то такое...

Я прекратила этот поток бессвязных слов, вскочив с постели.

– Ты считаешь, что я тебе изменяла? – выкрикнула я. – Ты так думаешь? Если да, убирайся из комнаты сию минуту! Оставь этот дом! Как ты смеешь предполагать такое?

Я кипела от возмущения. Фрэнк, сидя на кровати, протянул ко мне руки, пытаясь успокоить меня.

– Не прикасайся ко мне! – вопила я. – Отвечай: решил ли ты, будто я заводила романы на стороне со своими пациентами на том основании, что увидел, как какой-то тип пялится на меня в окно?

Фрэнк встал с постели и обхватил меня обеими руками. Я застыла, словно жена Лота, но он гладил меня по голове и по плечам, осторожно и нежно – он знал, что это мне нравится.

– Нет, ничего подобного, – твердо сказал он. Он обнял меня еще крепче, и я постепенно расслабилась, но не настоль-

ко, чтобы самой обнять его.

Так мы стояли долго, и наконец он зашептал мне в ухо:

– Я не думаю, что ты способна на такое, я только хотел сказать, что если бы это и случилось... Клэр, для меня это не ничего не поменяло бы. Я так тебя люблю! Что бы ты ни сделала, я не перестану любить тебя.

Он обхватил мое лицо ладонями – выше меня всего на четыре дюйма, он легко мог заглянуть мне прямо в глаза – и сказал нежно:

– Ты простишь меня?

Я ощущала на лице его теплое дыхание, в нем чувствовался «Гленфиддих», а его губы, чувственные и манящие, находились в опасной близости.

Новая вспышка молнии возвестила неожиданное возвращение утихшей было грозы, и дождь забарабанил по черепичной крыше.

Я обвила руками Фрэнка.

– «Насильно милосердия не добиться, – процитировала я, – оно должно росой с небес пролиться».

Фрэнк засмеялся и посмотрел на потолок: увеличивающиеся мокрые пятна не сулили нам комфортной ночи.

– Если это выражение твоего милосердия, – сказал Фрэнк, – то я не хотел бы познакомиться с твоим отмщением.

Словно в ответ ударил пушечный раскат грома, и мы оба от души рассмеялись.

Только позже, гораздо позже, слушая ровное дыхание Фр-

энка, я задумалась о нашем разговоре. Я сказала ему правду: меня нельзя было упрекнуть в неверности. Меня – нет. Но ведь шесть лет, как он сказал, очень долгий срок.

Глава 2

Каменные столбы

Мистер Крук позвонил в дверь, как и было оговорено, ровно в семь утра.

– Ну что, соберем росу с лютиков, юная леди? – произнес он и подмигнул с некоей стариковской галантностью.

Приехал он на мотоцикле, чем-то похожем на него самого; на этом аппарате мы должны были доехать до нужного места за деревней. Сетки для гербария были аккуратно закреплены по обеим сторонам драндулета, будто амортизаторы на буксирном судне. Мы неторопливо двинулись в путь по тихой сельской местности, которая казалась еще более тихой на контрасте с шумом от нашего транспортного средства; грохотание прекратилось – и тишина обступила нас. Мистер Крук действительно много знал о местных растениях. И не только о том, где их искать, но и об их применении, о том, как готовить из них лекарства. Я пожалела, что не купила записную книжку, в которую можно было бы все записать, и внимательно слушала объяснения старика, стараясь все запомнить, пока укладывала образцы в массивные гербарные сетки.

Мы присели перекусить у подножия странного холма с плоской вершиной. Зеленый, как и все окрестные холмы, с такими же выступами и валунами, он все же отличался:

вверх по склону вилась тропка, которая исчезала за выступающей гранитной породой.

– Что там наверху? – спросила я, показав на вершину холма рукой, в которой был зажат сэндвич с ветчиной.

– А! – Мистер Крук поднял голову и посмотрел на холм. – Это Крэг-на-Дун, девчужка. Я собирался показать вам его после нашего ланча.

– Правда? Это что-то интересное?

– Да, – коротко ответил он и замолчал: мол, сами увидите.

У меня были некоторые сомнения по поводу того, сможет ли он подняться так круто в гору, однако они рассеялись, когда я обнаружила, что с трудом поспеваю за ним. Мистер Крук, поднявшись сам, протянул мне свою мозолистую руку и втащил меня наверх.

– Ну вот, поглядите, – сказал он, обводя пейзаж рукой жестом собственника.

– Ой, да ведь это хендж ³! – восторженно вскрикнула я. – Хендж в миниатюре.

В Солсбери я не была уже много лет – из-за войны, но мы с Фрэнком посещали Стоунхендж почти сразу после свадьбы. Как и другие туристы, мы бродили между огромны-

³ Хендж (от *ст.* – *англ.* *heng* – «висячий» в составе *англ.* *Stonehenge* – «висячий камень») – тип доисторического земляного сооружения. По форме представляет собой почти круглую или овальную площадку, окруженную земляным валом. Внутренние компоненты могут включать порталные сооружения, деревянные круги, группы камней или монолиты, колодцы, захоронения, центральные курганы и др.

ми каменными монолитами с благоговением, таращились на древний алтарь (где жрецы-друиды приносили кровавые человеческие жертвы, как объяснил, глотая слоги в стиле настоящего кокни, гид, приехавший с автобусом итальянцев, которые добросовестно снимали самый обычный на вид каменный блок).

Из той же самой педантичности, которая заставляла Фрэнка располагать галстуки на вешалке таким образом, чтобы их концы совпадали, мы обошли все сооружение по окружности, измерили расстояние между отверстиями «зет» и «игрек» и сосчитали проемы во внутреннем круге кромлеха, самом удаленном от центра кольце мегалитов.

Три часа спустя мы уже знали, сколько там отверстий «зет» и «игрек» (пятьдесят девять, если вас это волнует, меня – нет), но имели не больше представления о назначении этой странной композиции, чем десятки любителей и археологов-профессионалов, ползавших вокруг него целых пять столетий.

Недостатка в гипотезах нет, что и говорить. Жизнь среди ученых продемонстрировала мне, что подчас хорошо скроенная гипотеза куда лучше, чем плохо сформулированный факт.

Замок. Курган. Обсерватория. Место казни (плахой служил так называемый «Кровавый камень», наполовину ушедший в землю). Рынок на открытом воздухе. Мне больше всего нравилась эта версия: так и вижу перед собой древних до-

мохозяек, которые крутятся между проходами с корзинками в руках, критикуя качество новой партии чашек и мисок из красной глазурованной глины и недоверчиво слушая крики зазывал, нахваливающих свой товар – пекарей, торговцев олениной и янтарными бусами.

Единственным убедительным опровержением этой гипотезы мне кажется наличие захоронений под алтарным камнем и кремированных останков в отверстиях «зет». Хоронить покойников на рынке как-то негигиенично, за исключением, может, того случая, если это останки торговцев, уличенных в надувательстве.

В миниатюрном хендже на холме следов захоронений не видно. Собственно говоря, «миниатюрны» местные мегалиты лишь по сравнению со Стоунхенджем, но вообще-то они довольно массивны и в высоту составляют почти два моих роста.

Я слышала от гида в Стоунхендже, что такие сооружения – их называют кромлехами – распространены по всей Британии и в Европе вообще. Одни сохранились лучше, другие хуже, они немного отличаются ориентацией и расположением элементов, но функция их неизвестна. Как и происхождение.

Пока я бродила между камней, мистер Крук стоял, наблюдая за мной, и загадочно улыбался; время от времени я останавливалась, чтобы прикоснуться к мегалиту – осторожно, будто мое прикосновение могло оставить какой-то след на

этих древних столбах.

На некоторых камнях были какие-то тусклые темноватые полосы и пятна. В других мерцали слюдяные вкрапления, весело отражавшие лучи утреннего солнца. И все они резко отличались от местного камня, от местных пород, которые торчали повсюду в траве. Кто бы ни создал эти круги из каменных столбов и с какой бы целью это ни сделал, строители считали дело достаточно важным, чтобы добыть, обработать и перевезти каменные блоки в нужное место и правильным образом составить. Обработать – как? Перевезти – каким образом и на какое невообразимое расстояние?

– Мой муж с ума сойдет от восторга, – сказала я мистеру Круку, остановившись поблагодарить его за то, что он показал мне это место и рассказал о растениях. – Я привезу его сюда.

Перед спуском мой проводник любезно предложил мне помочь и протянул руку. Я приняла ее: глянув вниз, я подумала, что, несмотря на почтенный возраст, этот бывалый травник в форме получше моей.

Уже за полдень я шла по дороге к деревне – надо было забрать Фрэнка из дома викария. Я с наслаждением вдыхала воздух горной Шотландии, запахи вереска, шалфея и ракичника, сдобренные печным дымком и приправленные пряным духом жареной сельди возле разбросанных в художественном беспорядке коттеджей. Деревня раскинулась на небольшом пологом склоне у подножия одного из утесов, какие то и

дело вздымаются из шотландских торфяников. О послевоенном подъеме кричала свежая краска на домах, и даже обиталище священника принарядилось: старые, побитые жизнью рамы были обведены светлой желтой полосой.

Дом был выстроен по меньшей мере столетие назад. Дверь мне открыла экономка викария, высокая и очень прямая женщина с тремя нитками искусственного жемчуга на шее. Узнав, кто я, она приветливо поздоровалась и повела меня через узкую и темную прихожую, стены которой были увешаны гравюрами с портретами неизвестных мне людей: это могли быть исторические личности, близкие родственники викария, а может, вообще члены королевской семьи, – в сумраке лица невозможно было рассмотреть.

В отличие от прихожей кабинет был буквально залит светом благодаря огромным панорамным окнам в одной из стен. Мольберт возле камина, на котором стоял неоконченный этюд маслом, изображающий черные скалы на фоне вечернего неба, объяснял происхождение этих окон, сделанных явно намного позже закладки дома.

Фрэнк и низенький, пухлый викарий в высоком клерикальном воротнике самозабвенно изучали кипу каких-то древних бумаг на столе возле дальней стены. Фрэнк едва кивнул, заметив меня, но священник оторвался от дела и поспешил пожать мне руку, сияя радушием.

– Миссис Рэндолл! – воскликнул он, потрясая мою руку с самым сердечным выражением. – Как приятно снова увидеть

вас. Вы как раз вовремя, у нас есть новости.

– Новости?

Я искоса глянула на стол с бумагами. Судя по цвету и чистоте, а также по виду букв, новости относились примерно к 1750 году. Речь не о свежих газетах.

– Именно так! Мы наткнулись на имя предка вашего мужа.

– Джек Рэндолл, так вот, мы его обнаружили в армейских списках. – Викарий склонился ко мне и заговорил одним углом рта, словно какой-то гангстер из американского фильма. – Я, представьте себе, одолжил оригиналы в архиве местного исторического общества. Прошу вас, никому ни слова об этом.

Я с готовностью пообещала ему не выдавать эту страшную тайну и поискала глазами стул поудобнее, чтобы в комфорте узнать сенсационные сведения двухсотлетней давности. Глубокое кресло у окна показалось мне подходящим, но когда я захотела пододвинуть его к столу, обнаружилось, что оно уже занято. В нем крепко спал маленький мальчик с копной блестящих черных волос.

– Роджер!

Викарий подошел помочь мне и удивился не меньше моего. Мальчик, проснувшись, вскочил и широко распахнул темно-карие глаза.

– Как ты здесь оказался, разбойник ты этакий! – с притворным возмущением воскликнул священник. – Ах вот оно

что! Заснул за своими комиксами!

Он сгреб пестрые страницы и вручил их ребенку.

– Ступай сейчас же к себе, у меня дела с мистером и миссис Рэндолл. Постой, я забыл тебя представить. Миссис Рэндолл, это мой сын Роджер.

Я, признаться, была заинтригована. Достопочтенный пастор Уэйкфилд являл для меня истинный образчик закоренелого холостяка. Но я тепло пожала вежливо протянутую ручонку и удержалась от невольного желания вытереть свою о платье – ладошка мальчика была влажной от пота.

Достопочтенный Уэйкфилд проводил Роджера нежным взглядом.

– На самом деле это сын моей племянницы, – сказал он, когда ребенок закрыл дверь. – Отец убит на Ла-Манше, мать погибла во время бомбардировки. Я взял ребенка к себе.

– Это очень великодушно, – пробормотала я, тотчас вспомнив дядю Лэмба.

Дядя тоже погиб во время воздушного налета. Бомба залетела в аудиторию Британского музея как раз во время его лекции. Зная его, полагаю, что он был бы счастлив осознать перед смертью: крыло, где хранились персидские древности, уцелело.

– Вот уж нет, несколько! – замахал руками викарий. – Я только рад, что в доме поселилось юное создание. Но садитесь, прошу вас!

Фрэнк заговорил прежде, чем я поставила на пол свою

сумку.

– Это просто необыкновенная удача, Клэр, – с восторгом заявил он, указательным пальцем пролистывая стопку листов с загнутыми уголками. – Викарий обнаружил целый ряд военных донесений, в которых упоминается имя Джека Рэндолла.

– Значительное их число принадлежит самому капитану Рэндоллу, – заметил викарий, забирая у Фрэнка несколько страниц. – Примерно четыре года он служил в гарнизоне Форт-Уильяма и, кажется, достаточно много времени проводил по ту сторону границы, досаждая шотландцам под эгидой британской короны. Вот это вот, – он бережно вытащил десяток листков и положил на стол, – жалобы на капитана со стороны шотландских семей и отдельных землевладельцев, все они обвиняют его в самых разнообразных преступлениях, начиная от непристойного поведения солдат с прислугой женского пола и кончая кражей лошадей, о более мелких происшествиях уж и говорить не приходится.

Меня все это позабавило.

– Значит, среди твоих предков затесался конокрад? – обратилась я к Фрэнку.

Он только плечами пожал, ничуть не потревоженный.

– Он был таким, каким был, с этим ничего не поделаешь. Мне всего лишь хочется узнать побольше. Подобные жалобы – дело самое обычное, особенно с поправкой на исторический период: англичанам, а особенно военным, были, мягко

говоря, не особенно рады в тогдашней горной Шотландии. Удивительно другое: все жалобы на Рэндолла не имели последствий, даже самые серьезные.

Викарий, не в состоянии долее сдерживаться, вмешался:

– Совершенно верно! Офицеров той поры никак нельзя мерить по современным меркам, они могли позволить себе многое. Но здесь все в самом деле странно: жалобы не только не расследовали с вынесением последующих решений, о них просто больше нет упоминаний. Знаете, что я думаю, Рэндолл? У вашего предка был могущественный покровитель. Человек, который мог защитить его от гнева вышестоящих чинов.

Фрэнк, скосив глаза на бумаги, задумчиво почесал затылок.

– Вы, вероятно, правы. И это должен быть очень влиятельный человек. Может, какая-нибудь армейская шишка или представитель высшей знати.

– А возможно...

Викарий был вынужден прерваться, так как в комнату вошла экономка, миссис Грэхем.

– Предлагаю вам подкрепиться, джентльмены, – сказала она и уверенным движением водрузила на письменный стол чайный поднос.

Преподобный Уэйкфилд с молниеносной быстротой подхватил со стола свои бесценные документы. Миссис Грэхем посмотрела на меня острым, оценивающим взглядом

подвижных, блестящих, словно глазурь на фарфоре, слегка прищуренных глаз.

– Я принесла только две чашки, потому что подумала, может, миссис Рэндолл захочет присоединиться ко мне в кухне. У меня там немного...

Я не дала ей закончить и поспешно поднялась с кресла, готовая принять ее предложение. Мы еще не успели закрыть дверь в кухню, а дебаты уже возобновились.

Чай был горячий и ароматный, в нем кружились чайные листочки.

– Ммм, – произнесла я, опуская на стол чашку, – я так давно не пробовала улун.

Миссис Грэхем кивнула с широкой улыбкой, радуясь тому, что я оценила ее усилия. Под каждую тонкую фарфоровую чашку была подложена салфеточка из кружева ручной работы, к чаю она подала сконы и сливочный крем.

– Во время войны купить такой чай было невозможно, – сказала миссис Грэхем. – А ведь это самый лучший чай. Ужасно было пить один только «Эрл Грей» столько времени! Листочки так быстро оседают на дно чайника, что на них не погадаешь.

– Вы умеете гадать по чайнкам? – спросила я смеясь. Миссис Грэхем с ее коротким, стального цвета идеально уложенным перманентом и тремя нитками искусственного жемчуга на шее меньше всего походила на гадалку. Когда она делала глоток чая, видно было, как он опускается вниз по тонкой

стройной шее и скрывается под перламутровыми бусами.

– Конечно же, умею, дорогая моя. Меня научила моя бабушка, а ее научила ее бабушка. Допивайте вашу чашку, и я посмотрю, что там у вас.

Она очень долго молча разглядывала мою чашку, то подставляя ее поближе к свету, то поворачивая медленно-медленно длинными пальцами и отыскивая нужный угол. Потом миссис Грэхем поставила чашку на стол так осторожно, словно боялась, что она рассыплется у нее в руке. Носогубные складки обозначились резче, брови сдвинулись в одну линию – она выглядела ошарашенной.

– Ну, – произнесла она наконец, – картина на редкость странная.

– Вот как? – Я все еще веселилась, но вместе с тем мне стало любопытно. – Неужели мне встретится таинственный брюнет или, чего доброго, предстоит переплыть океан?

– Возможно. – Миссис Грэхем приняла мой иронический тон и говорила с легкой усмешкой. – А возможно, что и нет. Именно это и кажется мне странным, дорогая. Все в противоречиях. Вот этот свернутый листик сулит путешествие, но на нем лежит разорванный, который это перечеркивает. Незнакомцев будет даже несколько, причем один из них – ваш муж, если я правильно поняла положение листков.

Мое шутовское настроение совсем улетучилось. Шесть лет мы с мужем провели в разлуке и только полгода вместе – он, разумеется, во многом продолжал оставаться для меня

незнакомцем... Но каким образом это стало известно чайному листочку?

Брови миссис Грэхем были все еще сдвинуты.

– Разрешите мне взглянуть на вашу руку, милая, – попросила она.

Рука, в которую она взяла мою, оказалась худой, но удивительно теплой. От склонившейся над моей ладонью аккуратно уложенной головы шел запах лаванды. Она разглядывала мою ладонь долго, время от времени проводя пальцем по какой-нибудь линии, словно изучала карту, на которой дороги упирались в болота или терялись в пустыне.

– Ну что там? – не вытерпела я. – Неужели судьба моя столь ужасна, что о ней не стоит и говорить?

Миссис Грэхем подняла глаза, полные лукавой насмешки, взглядела в мое лицо, но не отпустила руку. Покачала головой, поджав губы.

– Нет, моя дорогая, судьба ваша не написана у вас на ладони. Только ее семена. – Она по-птичьи склонила голову набок, о чем-то раздумывая. – Линии на вашей руке меняются. В иное время они могут стать совершенно другими, не такими, как сейчас.

– Я об этом не знала. Я считала, что с ними рождаешься, и все. – Я с трудом подавила желание отобрать свою руку у миссис Грэхем. – В чем же тогда суть такого гадания?

Я не хотела быть грубой, просто изучение моей руки показалось мне неуместным, особенно после гадания на чай-

ных листьях. Миссис Грэхем неожиданно улыбнулась и свела мои пальцы над ладонью.

– Видите ли, дорогая, линии на руке показывают, что вы за человек. Потому они и меняются – или должны меняться. У некоторых людей изменений не происходит, и они по-своему несчастны. Но их не так много. – Она сжала мой кулачок и похлопала по нему второй рукой. – Сомневаюсь, что вы относитесь к их числу. На вашей ладони много изменений, несмотря на ваш возраст. Но тут война сыграла свою роль.

Последние слова она произнесла как бы про себя.

Мне снова стало интересно, и я сама раскрыла ладонь.

– И что же я из себя представляю, если судить по руке?

Миссис Грэхем сделалась серьезной, но не взяла мою руку.

– Не могу вам этого объяснить с точностью. Как ни странно, руки похожи одна на другую. Я вовсе не намерена утверждать, что, увидев и изучив одну, вы обретете знание. Но существуют, как бы вам сказать, определенные типы. – Миссис Грэхем опять улыбнулась на удивление обаятельной улыбкой, открыв два ряда безупречно белых искусственных зубов.

– Ведь как работают гадалки? Я сама этим занимаюсь по престольным праздникам, то есть занималась до войны. Вероятно, теперь начну опять. Девица входит в шатер, а там сижу я в тюрбане с павлиньим пером, позаимствованным у мистера Доналдсона, и в изысканных восточных одеждах, ины-

ми словами, в желтом, как солнце, халате викария, сплошь разрисованным павлинами. Прикидываясь, что смотрю на ладонь, я на самом деле разглядываю девицу и вижу – разрез у нее на блузке чуть не до пупа, она благоухает дешевыми духами, а серьги свисают до самых плеч. Мне уже не нужно заглядывать в хрустальный шар, чтобы сообщить ей, что у нее будет ребенок к этому самому дню на следующий год. – В глазах у миссис Грэхем зажегся озорной огонек. – Хотя, если кольца на ладони нет, уместно будет сначала пообещать замужество.

Я засмеялась, засмеялась и миссис Грэхем.

– Значит, вы вообще не смотрите на ладони? – спросила я. – Разве только проверить, нет ли обручального кольца?

Она удивилась.

– Да нет, смотрю, конечно. Просто, как правило, заранее знаешь, что ты там найдешь. В общих чертах.

Она бросила взгляд на мою открытую ладонь.

– Но такой вязи я прежде не встречала. Зато у вас крупный большой палец. – Она слегка дотронулась до него, склонившись вперед. – Он сильно не поменяется. Это значит, что вы женщина упрямая, с собственным мнением – вас нелегко переубедить. Думаю, ваш муж говорил вам об этом. И еще кое о чем.

Она показала на бугорок у основания большого пальца.

– Что же это?

– Это так называемый бугорок Венеры. – Она чопорно

поджала тонкие губы, но их уголки ползли вверх. – На руке мужчины подобный бугорок означал бы, что мужчина этот чрезвычайно любвеобилен. С женщинами дело обстоит немного иначе. Как бы выразиться по деликатнее... сделать вам маленькое предсказание, что мужу вашему не нравится далеко уходить от супружеской постели.

Совершенно неожиданно для меня она издала скабресный смешок, и я покраснела.

Пожилая экономка снова склонилась над моей ладонью, внимательно рассматривая ее и проводя пальцем по тем линиям, о которых она говорила.

– Линия жизни четкая. Здоровье у вас отменное, и останется таким. На линии жизни заметен разрыв, это значит, что она резко изменилась. Впрочем, это произошло со всеми нами, не так ли? Однако на вашей линии жизни гораздо больше отрезков, чем я привыкла видеть, она как бы вся составлена из кусочков, фрагментов. А линия брака, – она покачала головой, – раздваивается. В этом тоже нет ничего странного – два замужества.

Моей первой реакцией на последний комментарий было возмущение, но я его тут же подавила. Тем не менее миссис Грэхем уловила мое недовольство и подняла глаза на меня. Я вдруг подумала, что она и в самом деле весьма проницательна. Успокаивая меня, она снова покачала седой головой.

– Нет-нет, милочка, с вашим прекрасным мужем ничего худого не случится. Дело совсем не в том.

Она слегка пожала мою руку.

– Вам не грозит зачахнуть от одиночества и провести остаток жизни в трауре. Это всего лишь означает, что вы из тех, кто способен полюбить снова, если первая любовь уйдет.

Она еще раз пригляделась к моей ладони и провела коротким ребристым ногтем по линии брака.

– Большинство двойных линий обрывается, но на вашей вилка. – У нее на губах заиграла лукавая улыбка. – Надеюсь, вы не двумужница?

Я рассмеялась:

– Куда там! Времени не хватило бы.

Я повернула руку таким образом, чтобы миссис Грэхем было видно ребро ладони.

– Я слышала, будто маленькие черточки вот здесь показывают количество детей. Это правда? – спросила я как можно небрежнее – край моей ладони был удручающе гладок.

Миссис Грэхем отмахнулась от этого предположения.

– Ерунда! Линии здесь появляются уже после того, как вы родите парочку ребятишек. Предварительных указаний не бывает. Скорее на носу их обнаружите, чем на руке.

– Правда?

Я глупо обрадовалась и собралась было спросить, не означают ли глубокие линии у меня на запястье склонности к самоубийству, когда нас прервали.

Преподобный Уэйкфилд вошел в кухню с пустыми чашками, поставил их на поднос и принялся шумно рыться в бу-

фете, явно рассчитывая на помощь.

Миссис Грэхем вскочила на ноги, готовая защитить свое святилище – кухню. Ловко отодвинув преподобного в сторону, она принялась нагружать поднос всем необходимым для продолжения чаепития в кабинете. Меня она тоже оттеснила с дороги.

– Миссис Рэндолл, почему бы вам не вернуться в кабинет и не выпить еще чашечку чая вместе со мной и вашим мужем? Мы с ним сделали несколько поистине интересных открытий.

Было очевидно, что, несмотря на внешнее хладнокровие, он на самом деле ликует при мысли о своем открытии не меньше, чем мальчуган, припрятавший в кармане жабу. Разумеется, я обязана была пойти и изучить счета капитана Джонатана Рэндолла от его прачки или сапожника, а также другие архиважные документы.

Фрэнк настолько погрузился в изучение замызганных бумажек, что едва заметил мое появление в кабинете. Он весьма неохотно передал бумаги в пухлые ручки викария, встал у него за спиной и уставился через его плечо в текст, словно не мог оторваться от него ни на минуту.

– Да? – заговорила я самым любезным тоном, коснувшись листков. – Да-а, очень, очень любопытно.

На самом деле мне бы ни за что не удалось расшифровать эти выцветшие записи, сделанные неразборчивым почерком. На одном из документов, сохранившемся лучше

других, сверху был изображен какой-то герб.

– Герцог... кажется, герцог Сандрингем, верно? – спросила я, глядя на изображение лежащего леопарда с надписью под ним, более четкой и разборчивой, чем остальной текст.

– Вот именно, – ликуя, подтвердил викарий. – Вымерший титул, как вам известно.

Я этого не знала, но кивнула с видом знатока, демонстрируя свою сопричастность к моменту невероятного открытия. В таких случаях редко требуется нечто большее, нежели время от времени произносить: «В самом деле?» или: «Но это же просто потрясающе!» – и кивать.

Они некоторое время спорили, кому достанется возможность посвятить меня в суть дела, и возможность эта, вернее, как выразился преподобный, высокая честь досталась викарию. Как выяснилось, весь шум поднялся по следующему поводу: пресловутый Черный Джек Рэндолл был не просто выдающимся офицером английской королевской армии, но доверенным – и тайным – агентом герцога Сандрингема.

– Скорее всего, агент-provokator, не так ли, доктор Рэндолл?

Викарий изящно перебросил мяч Фрэнку, который его немедленно подхватил.

– Да, пожалуй... Язык, конечно, весьма непрозрачный...

– В самом деле? – вставила я.

– Во всяком случае можно не сомневаться, что Джонатану Рэндоллу была поручена миссия определенного характера:

обнаружить якобитские симпатии среди наиболее известных фамилий в этом регионе Шотландии. Действовать так, чтобы тайные планы и склонности лэрдов и вождей кланов делались очевидными. Но тут есть одна странность. Разве самого Сандрингема не подозревали в связях с якобитами?

Фрэнк повернулся к викарию, всем своим видом выражая недоумение. Лицо священника отразило это недоумение, будто зеркало, гладкий лысый лоб пошел волнами морщин.

– О да, полагаю, вы правы. Подождите-ка, давайте заглянем в Камерона. – Он кинулся к книжной полке, уставленной кожаными корешками. – Он, без сомнений, упоминает о Сандрингеме.

– Это просто невероятно, – пробормотала я, когда мое внимание привлекла огромная, занимавшая чуть ли не всю стену пробковая доска. На ней располагались самые разные вещи, главным образом бумаги: счета за газ, заметки, сделанные рукой викария, газетные вырезки, послания епархиального совета, вырванные из книг страницы. Но были там и некоторые мелкие предметы, например ключи, крышки от бутылок и, кажется, даже какие-то автомобильные запчасти, закрепленные при помощи гвоздей и клейкой ленты.

Я лениво разглядывала это странное собрание, вполуха слушая дискуссию за спиной. (Герцог Сандрингем был-таки якобитом, решили они.) Но тут я заметила генеалогическое древо, прикрепленное четырьмя кнопками за уголки. Верх-

няя часть включала имена, относящиеся к началу семнадцатого столетия, но меня больше заинтересовало имя, написанное в самом низу: Роджер У. (Маккензи) Уэйкфилд.

– Извините меня, – вмешалась я в финальную часть диспута о том, что держит в лапе леопард на гербе герцога – лилию или крокус. – Это древо вашего сына?

– А? О да, да, конечно!

Викарий, снова просияв, поспешил подойти ко мне. Он осторожно снял документ со стены и положил его на стол прямо передо мной.

– Я не хочу, чтобы он забывал историю своей семьи, – объяснил он. – Генеалогия старинная, восходит к шестнадцатому веку.

Пухлым указательным пальцем он провел линию снизу вверх почти с благоговением.

– Я дал мальчику свое имя, это удобнее, поскольку он живет здесь, но не хотел, чтобы он забыл свое происхождение. Боюсь, что моей собственной семье в этом отношении нечем похвастаться.

На лице викария появилось виноватое выражение.

– Все больше викарии да помощники приходского священника, затесался для разнообразия один книготорговец, вот и все. Проследить историю семьи удалось примерно до тысяча семьсот шестьдесят второго года. Скучная информация, мало документов. – Он покачал головой, явно сокрушаясь о генеалогической беспечности своих предков.

Мы очень поздно ушли от викария; он пообещал, что завтра первым делом отправит письма в город, чтобы с документов сняли копии. Большую часть пути до дома миссис Бэйрд Фрэнк что-то упоенно рассказывал о шпионах и якобитах, но в конце концов обратил внимание на то, что я почти ничего не говорю.

– Что с тобой, любимая? – спросил он, нежно взяв меня за руку. – Тебе нездоровится?

В голосе его звучало беспокойство пополам с надеждой.

– Нет, я чувствую себя хорошо. Я просто подумала... – Я запнулась, вспомнив, что мы уже обсуждали эту проблему. – Я думала о Роджере.

– О Роджере?

Я нетерпеливо вздохнула.

– Господи, Фрэнк! Ну как можно быть таким забывчивым? О Роджере, сыне преподобного Уэйкфилда.

– Ах да, конечно, – отозвался Фрэнк рассеянно. – Милый ребенок. Ну и что с ним такое?

– Да ничего... просто сейчас очень много таких детей. Я имею в виду – сирот.

Теперь взгляд у Фрэнка был уже не отсутствующий, в лице проявилась резкость. Он покачал головой.

– Нет, Клэр. Ты знаешь, я хочу ребенка, но я тебе говорил, как отношусь к усыновлению. Это... ну, в общем, я не смогу считать своим ребенка, которого... зачал не я. Это, наверное, смешно и даже эгоистично с моей стороны, но ничего не

поделаешь. Может, со временем я изменю свою точку зрения, но сейчас...

Некоторое время мы шли рядом несколько отчужденно. Потом Фрэнк вдруг повернулся ко мне и взял меня за руки.

– Клэр, – заговорил он негромко и хриловато, – я хочу нашего ребенка. Важнее тебя для меня нет ничего в мире. Я просто хочу, чтобы ты была счастлива, и в то же время хочу сохранить тебя для себя. Чужой ребенок, с которым у нас нет ничего общего, будет казаться мне пришельцем из иного мира, захватчиком, это для меня непереносимо. Зачать нашего ребенка, видеть, как он растет в тебе, как он придет в этот мир... это для меня значит даже больше, чем видеть в нем твое подобие... и мое тоже. Подлинная частица семьи.

Глаза у него сделались большие и умоляющие.

– Да, ты прав. Я поняла.

Мне хотелось оставить эту тему, по крайней мере сейчас. Я пошла дальше по дороге, но Фрэнк догнал меня и обнял:

– Клэр, я люблю тебя.

Он произнес это с такой искренностью, что я невольно опустила голову ему на грудь, ощутив тепло его тела и силу обхвативших меня рук.

– Я тоже люблю тебя.

Мы немного постояли так на ветру, который задувал вдоль дороги. Внезапно Фрэнк откинулся назад и с улыбкой посмотрел на меня.

– И потом, – шепотом проговорил он, ласково убирая во-

лосы с моего лица, – мы могли бы над этим поработать, так ведь?

– Разумеется, – улыбнулась и я.

Он взял меня под руку и близко притянул к себе.

– Сделаем еще попытку?

– Конечно. Почему нет?

Мы двинулись вместе по Джирисайд-роуд. И когда я увидела Бара Мор, пиктский камень на углу улицы, я вспомнила о других древних камнях.

– Я совсем забыла! – воскликнула я. – Мне нужно показать тебе нечто экстраординарное.

Фрэнк посмотрел на меня, сжав мою руку, и притянул ближе.

– Я тоже, – сказал он, улыбаясь. – Ты свое чудо покажешь мне завтра.

Но на следующее утро нам пришлось заниматься другими вещами. Я забыла, что мы запланировали поездку в Грейт-Глен, на озеро Лох-Несс.

Дорога неблизкая, и мы выехали рано, до рассвета. Утро выдалось холодное, и после пробежки к ожидающей нас машине было так уютно укрыться пледом и почувствовать, как согреваются руки и ноги. Вместе с теплом пришла восхитительная дремота; я блаженно уснула, положив голову Фрэнку на плечо, последнее, что я видела до того, как мои веки сомкнулись, был темный силуэт головы водителя на фоне

краснеющей зари.

Мы добрались до места в начале десятого, нанятый Фрэнком гид ждал нас на берегу возле небольшого ялика.

– Если вы не возражаете, сэръ, я предложил бы небольшое путешествие по озеру до замка Уркхарт. Там мы перекусим, а потом двинемся дальше.

Гид, очень серьезный низенький человек в потрепанной холщовой рубаше и саржевых брюках, аккуратно уложил корзину с припасами под сиденье ялика и протянул мне крепкую загрубевшую ладонь, чтобы помочь сесть в лодку. Это был восхитительный день. Распускающаяся по обрывистым берегам весенняя зелень отражалась в покрытой мелкой рябью глади озера. Наш гид оказался знающим и красноречивым; по пути он рассказывал нам об островах, а также о замках и развалинах по берегам длинного узкого озера.

– Вон он, замок Уркхарт, – указал гид на гладкую каменную стену, едва заметную за деревьями. – Вернее, то, что от него осталось. Он был проклят ведьмами Глена и пережил множество несчастий.

Он рассказал нам историю Мэри Грант, дочери лэрда, владельца замка, и ее возлюбленного, поэта Доналда Донна, сына Макдоналда из Боунтина. Отец девушки запретил ей видеться с Доналдом, потому что последний угонял любую скотину, какая ему попадалась (гид заверил нас, что это была старинная и весьма почтенная профессия в горах Шотландии), но они продолжали встречаться тайком. Отцу это не

понравилось; Доналда заманили на подставное свидание и схватили. Приговоренный к смерти, он умолял, чтобы его обезглавили как джентльмена, а не вешали как преступника. Ему пошли навстречу, и молодой человек положил голову на плаху, повторяя: «Дьявол заберет лэрда Гранта, а Доналд Донн не будет повешен». Легенда утверждает, что когда отрубленная голова скатилась с плахи, она заговорила и произнесла: «Мэри, подними мою голову».

Я вздрогнула, и Фрэнк обнял меня за плечи.

– Сохранился отрывок его стихотворения, – сказал он тихонько. – Вот послушай:

Завтра буду я на холме, обезглавленный.
Пожалеете ли вы невесту мою, убитую горем,
Мою златокудрую Мэри с глазами бездонными?

Я легонько сжала его руку.

Истории шли одна за другой – о предательствах, убийствах и преступлениях, и теперь мне казалось, что озеро заслужило свою мрачную репутацию.

– Что вы скажете о чудовище? – спросила я, вглядываясь в темные глубины. – Вполне подходящее местечко для какого-нибудь монстра.

Наш гид пожал плечами и сплюнул в воду.

– Озеро, конечно, таинственное, – ответил он. – О чудовище рассказывают разное. Ему будто бы приносили человеческие жертвы, даже маленьких детей якобы сбрасывали

в воду в плетеных корзинках. – Он снова плюнул в воду. – Говорят, озеро это бездонное – в самом центре у него глубочайшая в Шотландии дыра. С другой стороны, – сощурил он глаза, – рассказывают, что несколько лет назад одна супружеская пара из Ланкашира ворвалась в полицейский участок в Инвермористоне с воплями о том, что они только что видели, как из озера вылезло чудовище и скрылось в папоротниках. Чудовище просто ужасное, покрытое рыжей шерстью, с огромными рогами, оно что-то жевало, и из пасти у него капала кровь.

Гид поднял руку, предупреждая мой испуганный вскрик. – Послали констебля посмотреть, что там такое, он вернулся и подтвердил, что, за исключением крови, эти люди очень точно описали... – гид немного помедлил ради пушного эффекта, – шотландскую корову, которая жевала в зарослях папоротника свою жвачку.

Мы проплыли вдоль берега почти половину озера и наконец причалили для позднего ланча. На берегу нас уже ждала машина, и мы двинулись назад через Глен, не встретив по пути ничего страшнее рыжей лисицы с мелкой добычей в зубах. Она очень удивилась, когда мы выскочили из-за поворота, и, отпрыгнув на обочину, быстро скрылась, легкая, как тень.

Было уже очень поздно, когда мы вернулись, да еще задержались на крыльце, со смехом вспоминая события дня, пока Фрэнк искал ключ.

Раздеваясь, чтобы лечь в постель, я вспомнила о хендже Крэг-на-Дун и рассказала о нем Фрэнку. Его усталость как рукой сняло.

– Серьезно? И ты знаешь, где он находится? Это невероятно, Клэр!

Он принялся рыться в своем чемодане.

– Что ты там ищешь?

– Будильник.

– Зачем? – удивилась я.

– Хочу встать вовремя, чтобы увидеть их.

– Кого?

– Ведьм.

– Ведьм? Кто тебе сказал, что тут есть ведьмы?

– Викарий, – ответил Фрэнк, явно радуясь этому неожиданному сочетанию. – Его экономка – одна из них.

Я подумала о почтенной миссис Грэхем и расхохоталась.

– Не говори ерунды!

– Ну, не самые настоящие ведьмы, конечно. А вообще в Шотландии было полно ведьм, их сжигали на кострах вплоть до начала восемнадцатого века, но на самом деле то были женщины-друиды, так, наверное, правильнее их называть. Я не думаю, что теперь это выглядит как шабаш с чертями. Викарий утверждает, что это просто компания местных женщин, которые исполняют разные древние обряды. Он, разумеется, открыто этим не интересуется – из-за своего сана, но как человек любознательный не может это явление игно-

рировать. Он не знал, где совершаются церемонии, но если поблизости есть кромлех, то скорее всего именно там.

Фрэнк потер руки в радостном предвкушении:

– Какая удача!

Подняться разок до рассвета ради разнообразия даже забавно. Но два дня подряд – это, извините, уже перебор.

На сей раз ни теплого автомобиля, ни термосов. Сонная, я плелась вслед за Фрэнком вверх по склону, спотыкаясь чуть ли не на каждом шагу и то и дело ушибая пальцы о камни. Было зябко и туманно, я засунула руки поглубже в карманы кардигана.

Еще один рывок к вершине – и хендж возник перед нами, камни едва виднелись в предрассветной мгле. Фрэнк остановился и замер в восхищении, в то время как я, задыхаясь, опустилась на первый же валун.

– Прекрасно, – пробормотал Фрэнк, потом молча подошел к внешнему кольцу, и его фигура – силуэт в тумане – скрылась в густой тени, падающей от мегалитов.

Они были и в самом деле прекрасны, но и немного угрожающе тоже. Я вздрогнула – совсем не от холода. Если те, кто их поставил, хотели, чтобы они производили впечатление, то они своего добились.

Фрэнк очень скоро вернулся.

– Пока никого, – прошептал он у меня над ухом, и я чуть не подпрыгнула от испуга. – Идем, я приглядел место, откуда

будет удобно наблюдать.

На востоке забрезжил свет – бледная серая полоса на горизонте, однако этого оказалось достаточно, чтобы я не спотыкалась, пока Фрэнк вел меня в укрытие под кустами ольхи недалеко от конца тропы. Там было тесновато, едва хватало места для двоих. Но отсюда хорошо было видно тропу и открывалась панорама на внутреннюю часть каменного круга примерно в двадцати футах от нас. Уже не в первый раз я задумывалась о том, чем же занимался Фрэнк во время войны. Он был прекрасно подготовлен к тому, чтобы совершенно бесшумно передвигаться в темноте.

Я совсем не выспалась и хотела только одного – свернуться под каким-нибудь симпатичным кустом и заснуть. Однако места для этого не хватало, и я продолжала стоять, вглядываясь в полутьму в ожидании ведьм. Спину покалывало, ноги болели, но, наверное, это скоро пройдет. Полоска на горизонте из серой сделалась розовой – стало быть, до рассвета осталось не больше получаса.

Первая из них появилась почти так же тихо, как Фрэнк. Только слабый хруст гравия под ногами – и в тумане проступила аккуратно причесанная седая голова. Миссис Грэхем. Значит, это правда. Экономка была одета в твидовое платье и шерстяное пальто, под мышкой она держала белый сверток. Неслышно, словно призрак, она скрылась за одним из больших камней.

Остальные появились вскоре после нее, они приходили по

одной, по двое и даже по трое, шли, перешептываясь и хихикая, по тропе, но мгновенно умолкали, как только оказывались наверху.

Некоторых я узнала. Например, миссис Бьюкенен с почты; ее белокурые волосы были недавно завиты и источали сильный аромат «Вечера в Париже». Я подавила смех. Ничего себе друиды!

Их оказалось пятнадцать, исключительно женщины, в возрасте от шестидесяти, как миссис Грэхем, до двадцати с небольшим, как женщина, которую я недавно видела с детской коляской у магазина. Все они были одеты для прогулки, и у каждой под мышкой – белый сверток. Почти не разговаривая, они скрывались кто за каменным столбом, кто в кустах и появлялись с пустыми руками, облаченные в белое. Когда одна из них прошла вблизи нашего укрытия, я уловила запах хозяйственного мыла и сообразила, что их одеяния – всего-навсего простыни, обернутые на манер туники и закрепленные на плече.

Выстроившись друг за другом по возрасту – младшие за старшими, – они обошли внешний круг камней и остановились в ожидании. Свет на востоке разгорался все ярче.

Едва только солнце поднялось над горизонтом, строй женщин пришел в движение – они медленно вошли в зазор между двумя камнями. Предводительница провела их прямо к центру, а потом они вслед за ней начали все тем же плавным шагом кругами обходить хендж, словно лебеди. Предводи-

тельница внезапно остановилась и повернула к центру. Здесь она встала, подняв руки и повернув лицо в сторону восточных камней. Высоким голосом она произнесла какие-то слова, не слишком громко, но так, чтобы ее слышали все участницы. Туман еще не рассеялся, он отражал звуки, и казалось, что они доносятся отовсюду, идут из самих камней. Не только эхо повторяло слова, но и танцовщицы – потому что участницы процессии теперь начали танцевать. Они протягивали друг к другу руки, не соприкасаясь пальцами, и двигались по кругу, притопывая и слегка покачиваясь. Но вот круг танцующих разделился на две части. Семь женщин пошли по часовой стрелке, остальные – против нее. Два полукруга то пересекались, то образовывали целый круг, то снова два полукружия. А предводительница все стояла в центре и повторяла полный невыразимой печали клич на языке, который давно уже умер.

Они должны были казаться смешными, и вероятно, так оно и было. Сборище женщин, обернутых простынями, большинство из них полные и не слишком гибкие, все ходят кругами по вершине холма. Но от звуков их унылой песни волосы у меня на затылке встали дыбом.

Они остановились, образовав два полукруга, между которыми пролегла дорожка, и подняли лица к солнцу. Оно висело над горизонтом, и первые лучи, пройдя между двумя восточными камнями, упали на разделявшую полукружия дорожку и дальше – на камень на противоположной стороне

хенджа.

Танцующие на мгновение замерли в тени по обе стороны от полосы света. Затем миссис Грэхем что-то произнесла все на том же непонятном языке, но уже обычным голосом. Она повернулась и пошла по солнечной тропе – спина прямая, седые волосы блестят на свету. Остальные без единого звука последовали за ней. Одна за другой они прошли сквозь отверстие в главном камне и молча исчезли. Из своего укрытия в зарослях ольхи мы наблюдали, как женщины переоделись и, смеясь и болтая, начали спускаться с холма, по-видимому, приглашенные на чашечку кофе в дом викария.

– Господи! – Я распрямилась, чтобы избавиться от боли в ногах и спине. – Ну и зрелище!

– Восхитительное! – с восторгом отозвался Фрэнк. – Ни за какие сокровища мира не хотел бы его пропустить!

Он змеей выскользнул из укрытия, предоставив мне выбирать самостоятельно, пока он на манер полицейской собаки, опустив нос к земле, обследовал внутреннюю часть хенджа.

– Что ты там ищешь? – спросила я, с некоторой опаской вступая в круг.

Но день уже наступил, и камни, все еще величественные, утратили значительную часть своей таинственной мрачности.

– Пометки, знаки, – ответил он, ползая по дерну на четвереньках и что-то высматривая. – Откуда они знают, где на-

чинать и где останавливаться?

– Хороший вопрос. Я ничего не вижу, – сказала я, но, опустив глаза, заметила очень интересное растение у основания одного из столбов.

Миозотис? Нет, вряд ли; у этих голубых цветков глубоко скрытые оранжевые серединки. Я потянулась за цветком, но тут Фрэнк, у которого слух был острее моего, выпрямился и схватил меня за руку. Он поспешно утащил меня из внутреннего круга буквально за секунду до того, как в него вошла с противоположной стороны одна из танцовщиц.

То была мисс Грант, маленькая пухлая женщина, чья профессия – она торговала пирожными и сладостями в собственном магазинчике на Хай-стрит – вполне соответствовала типу фигуры. Она близоруко осмотрелась, потом нашарила в кармане очки и водрузила их на нос; обойдя весь круг, она наконец подняла с земли крупную заколку для волос, за которой вернулась сюда. Она прицепила ее к своим густым блестящим волосам, но возвращаться к делам не спешила. Уселась на валун, по-свойски оперлась спиной на одного из каменных гигантов и лениво закурила.

Фрэнк испустил вздох отчаяния.

– Ладно, – сказал он, смирившись с неизбежным, – нам лучше уйти. Судя по ее виду, она может просидеть здесь все утро. К тому же я не обнаружил никаких знаков.

– Мы могли бы вернуться сюда позже, – предложила я: меня очень заинтересовало растение с голубыми цветами.

– Разумеется, – откликнулся Фрэнк.

Но он уже потерял интерес к изучению хенджа, его занимали только подробности подсмотренной церемонии. Он решительно увлек меня к спуску с холма и по дороге настоятельно требовал, чтобы я как можно точнее припомнила слова и движения, которые мы только что наблюдали.

– Норвежские, – с удовлетворением заключил он. – Корни слов древненорвежские, я почти уверен. Но танец... – Он задумчиво покачал головой. – Танец куда старше. Скорее всего, он восходит к ритуальным танцам викингов.

Он строго сдвинул брови, словно я с ним спорила.

– Но это движение по двойным линиям, оно... напоминает... изображения на керамике из Бикер Фолка, но, с другой стороны... хм...

Фрэнк погрузился в типичный для него научный транс, то и дело что-то невразумительно бормоча себе под нос. Вышел из этого состояния он только у самого подножия склона, споткнувшись о какой-то предмет. Он взмахнул руками и с криком покатился вниз, в заросли прошлогоднего бурьяна.

Я помчалась следом, но нашла его уже сидящим среди трепещущих на ветру стеблей.

– Ты в порядке? – спросила я на всякий случай, хотя было ясно, что он не пострадал.

– Думаю, да. – Он рассеянно отвел со лба темную прядь. – На что это я налетел?

– Вот на что. – Я показала ему пустую банку из-под сар-

дин. – Опасности цивилизации.

– А-а. – Фрэнк взял у меня банку, заглянул внутрь и бросил ее через плечо. – Жаль, что она пустая. После нашей экскурсии я голоден как волк. Может, посмотрим, что нам завернула миссис Бэйрд в качестве раннего завтрака?

– Можно, – согласилась я, приглаживая ему волосы. – А с другой стороны, мы могли бы оставить припасы для раннего ланча.

И я посмотрела ему прямо в глаза.

– А-а, – протянул он, однако уже совершенно другим тоном.

Медленно он провел пальцами по моей руке, коснулся шеи и легонько потянул мочку уха.

– Могли бы, – сказал он.

– Если ты не очень голоден.

Другой рукой он обнял меня сзади и мягко притянул меня к себе, пальцы его скользили все ниже и ниже. Приоткрыв губы, он прильнул к вырезу моего платья, и я ощутила на груди его теплое дыхание.

Он осторожно увлек меня на траву: пушистые кисточки сухой пшеницы словно парили в воздухе вокруг его головы. Наклонившись, он поцеловал меня нежно и продолжал целовать, пока расстегивал пуговицы на платье, одну за другой, с промежутками, во время которых успевал просунуть руку под платье и коснуться моих напряженных сосков. Так он расстегнул платье до пояса и снова сказал «а-а», но на это

раз голос у него был хриплым.

– Словно белый бархат, – прошептал он.

Волосы опять упали ему на лицо, но он не стал откидывать их. Одним движением большого пальца Фрэнк расстегнул бюстгальтер и начал ласкать мои груди. Потом он откинулся назад, накрыл их ладонями и свел вместе, а затем медленно заскользил в обратном направлении, очерчивая пальцами линию ребер, пока я не застонала и не подалась к нему всем телом. Он прижал свои губы к моим и обнял меня так, что наши бедра сошлись. Фрэнк повернул голову, поцеловал мою шею и прикусил мочку уха. Рука его опускалась все ниже и ниже – и вдруг замерла как бы в изумлении. Еще одно движение – и Фрэнк поднял голову, взглянув на меня с удивленной улыбкой.

– Ой, что же это значит? – дурашливо, изображая деревенский говор, спросил он. – Где же все?

– Просто готовлюсь заранее, – ответила я с деловым видом. – Медсестры должны предвидеть разные ситуации. Так нас учили.

– Честное слово, Клэр, – пробормотал он, запуская руку под юбку... вверх по бедру, к мягкой, незащищенной коже между ног, – ты самая пугающе практичная особа из всех, кого я знал.

Фрэнк подошел ко мне сзади, когда я сидела в гостиной с большой раскрытой книгой на коленях.

– Что ты делаешь? – спросил он. Его руки опустились мне на плечи.

– Ищу одно растение, – ответила я, закрывая книгу, но заложив пальцем нужную страницу. – Я его видела возле камней на хендже. Гляди...

Я снова открыла книгу.

– Оно может относиться к семейству Campanulaceae или к Gentianaceae, к Polemoniaceae, Boraginaceae... чем-то похоже на незабудки, но и на разновидность вот этого растения, *Anemone patens*.

Я показала на цветную иллюстрацию с изображением сон-травы.

– Я не думаю, что это какая-нибудь генциана, лепестки недостаточно круглые, но...

– Ну хорошо, – перебил меня Фрэнк, – а почему бы не вернуться туда и не взять образец? Мистер Крук наверняка не откажется одолжить тебе свою колымагу... или нет, погоди, у меня есть идея получше. Попроси у миссис Бэйрд машину, это куда безопаснее. От дороги до подножия холма идти недалеко.

– А потом всего тысяча ярдов вверх, – сказала я. – Почему ты так заинтересовался моим растением?

Я повернулась, чтобы посмотреть на него. Свет лампы образовал золотой нимб у него над головой, точно как у святых на средневековых иконах.

– Меня интересует совсем не растение, – ответил Фрэнк. – Если ты туда поднимешься, я хотел бы, чтобы ты хорошенько осмотрела каменный круг снаружи.

– Хорошо, – покорно согласилась я. – Но зачем?

– Следы от огня, – сказал он. – Во всех работах о Празднике костров, какие мне встречались, огонь упоминается как обязательная часть ритуала. Но женщины, за которыми мы наблюдали утром, огня не разжигали. Может, они жгли костры накануне, а наутро пришли исполнить танец. Раньше костры разжигали пастухи. Внутри круга я не обнаружил следов, но, поскольку мы спешили, внешнюю сторону я не успел проверить.

– Хорошо, – повторила я и зевнула: два ранних пробуждения не прошли бесследно.

Я закрыла книгу и встала.

– Но предупреждаю, что раньше девяти я не поднимусь.

Я добралась до каменного круга к одиннадцати на следующий день. Накрапывал дождь, и я промокла, потому что не сообразила захватить с собой дождевик. Быстро осмотрев хендж с внешней стороны, я не нашла следов костра; если они и были, то кто-то позаботился о том, чтобы все убрать.

Найти растение оказалось проще. Я помнила место, где видела его, – у основания самого высокого каменного столба. Отделив несколько побегов, я завернула их в носовой платок. Тяжелые гербарные сетки я оставила в машине и собиралась уложить растение уже внизу.

Самый высокий каменный столб хенджа был разделен по вертикали на две половины, два массивных блока. Видимо, это было сделано целенаправленно. Поверхность блоков выглядела абсолютно идентичной, однако их разделяло около трех футов.

Откуда-то поблизости донесся глухой рокот или гудение. Я подумала, что в каменной расселине поселился пчелиный рой, и, намереваясь заглянуть в пролет между блоками, оперлась о камень рукой.

Камень закричал.

Я попятилась так резко, что не удержалась на ногах и больно упала на короткую весеннюю траву. Вся потная, я устала на камень.

Никогда я не слышала подобных звуков от живых существ. Описать его невозможно – разве что если представить, как мог бы кричать камень. Это было ужасно.

Другие камни тоже начали кричать. То был шум битвы, вопли раненых, ржание падающих лошадей.

Я затрясла головой, чтобы прогнать наваждение, но шум не прекращался. Я вскочила на ноги и, спотыкаясь, кинулась к выходу из круга. Звуки казались вездесущими, от них ныли зубы и кружилась голова. У меня потемнело в глазах.

Я не могу сказать, сознательно ли я бросилась к просвету между двумя половинами главного камня, или это вышло само собой из-за моих хаотичных метаний.

Однажды во время ночной поездки я заснула на пасса-

жирском сиденье автомобиля, рокот двигателя и скорость создавали иллюзию приятной невесомости. Водитель слишком разогнался на мосту и потерял управление. Я резко пробудилась, когда в мой сон ворвался ослепительный свет фар, и испытала тошнотворное чувство от падения. Этот внезапный переход из одного состояния в другое можно сравнить с тем, что происходило теперь, но за очень короткий отрезок времени.

Поле зрения внезапно сузилось до единственного темного пятна, а потом я оказалась посреди пустоты. Будто вокруг меня закрутился смерч и затянул меня внутрь... Невозможно передать ощущение полной гибели, полного растворения, меня сильно ударило обо что-то, чего как будто даже не существовало.

Однако парадокс в том, что никакого движения не произошло, ничего не случилось, но я отчего-то испытывала стихийный ужас и перестала понимать, кто я и где нахожусь. Я была посреди хаоса, и никакая сила, физическая или духовная, не могла ему противостоять.

Не знаю, потеряла ли я сознание, но определенно некоторое время пребывала в ступоре. Я проснулась, если можно так выразиться, споткнувшись о камень у подножия холма, кое-как съехала на ногах оставшиеся несколько футов и растянулась на траве.

Мне было плохо, кружилась голова. С трудом я доползла до молодых дубков поблизости и прислонилась к одному

из них, чтобы прийти в себя. Где-то неподалеку раздавались крики, смутно напоминающие звуки, которые я слышала на холме. Но они утратили нечеловеческий оттенок; теперь это были обычные голоса ругающихся людей, и я повернулась в ту сторону.

Глава 3

Человек в лесу

Мужчины были на некотором отдалении, когда я их увидела. Двое или трое в килтах, они неслись, словно дьяволы, по небольшой поляне. Доносился странный шум, в котором я, к своему удивлению, узнала грохот ружейных выстрелов.

Я была совершенно уверена, что у меня галлюцинации, когда вслед за ружейными залпами появилось пять или шесть человек в красных мундирах и бриджах; они размахивали мушкетами. Я уставилась на них, потом подняла руку и расправила два пальца перед глазами. Два пальца – все правильно. Никаких нарушений зрения. Я осторожно втянула носом воздух. Сильный, по-весеннему острый запах свежих листьев и слабый – клевера у меня под ногами. Никаких дефектов обоняния.

Я пощупала голову. Никаких неприятных ощущений. Контузии вроде бы нет. Пульс немного учащенный, но ровный.

Шум и крики внезапно сменились топотом копыт; прямо на меня мчались наездники – шотландцы в килтах, выкрикивающие что-то на гэльском. Я метнулась на обочину как молния – значит, физически я не пострадала, каким бы ни было мое психическое состояние.

Но тут один из красных мундиров упал с лошади усилия-

ми пронесшегося мимо шотландца и, вскочив на ноги, театральным жестом погрозил кулаком вслед противникам. И я поняла. Конечно же! Кино! Я даже головой тряхнула от осознания своей несообразительности. Они снимают какую-то историческую драму, вот и все. Что-нибудь в духе «Принца Чарли в зарослях вереска».

Так. Независимо от художественной ценности этого шедевра съемочная группа вряд ли оценит курьез моего появления в кадре. Я отступила в заросли, намереваясь обойти поляну кругом и выйти к дороге, где меня ждала машина. Идти оказалось труднее, чем я предполагала. Лес был молодой, но с густым подлеском, платье то и дело цеплялось за кусты. Я пробиралась между тонких дубков, вытаскивая подол из цепких лапок-веток куманики.

Если бы он был змеей, я бы на него наступила. Он стоял среди деревьев безмолвно и недвижно, словно сам стал деревом, и я заметила его только тогда, когда он схватил меня за руку.

Ладонью второй руки он стремительно зажал мне рот и утянул в заросли, чем вызвал у меня панику. Кем бы ни был этот похититель, ростом он оказался лишь немного выше меня, но определенно был в разы сильнее. Я ощутила слабый цветочный аромат, кажется, пахло лавандой, и запах этот смешивался с бьющим в нос запахом пота. Ветки сомкнулись за нашими спинами, и, пока он тащил меня по тропинке, я

обратила внимание на то, что рука, обхватившая мою талию, выглядела знакомой.

Я дернула головой и сбросила его руку с лица.

– Фрэнк! Ради всего святого, что это за бредовая игра?

Меня раздирали противоречивые чувства: с одной стороны, я была рада, что Фрэнк тоже здесь, а с другой – эта дикая шутка приводила меня в исступление. Оглушенная происшествием в хендже, я совершенно не была расположена так развлекаться. Он отпустил меня, но едва я к нему повернулась, как поняла, что что-то не сходится. Дело было даже не в запахе, отличие казалось фундаментальным. Я остолбенела, волосы на затылке зашевелились от ужаса.

– Ты не Фрэнк, – прошептала я.

– Вовсе нет, – подтвердил он, наблюдая за мной с любопытством. – Правда, у меня есть кузен с таким именем, но сомневаюсь, чтобы вы могли нас спутать, потому что между нами нет никакого внешнего сходства, мадам.

Как бы там ни выглядел его кузен, сам он вполне мог сойти за брата Фрэнка. То же стройное и худощавое сложение, четкие линии скул, словно вытесанное из мрамора лицо; прямые брови, широко расставленные карие глаза, темные волосы.

Но у этого человека волосы были длиннее и стянуты на затылке кожаным шнурком. Лицо казалось темным и обветренным, словно у цыгана, что месяцами подставлял кожу солнцу и ветрам, этот загар ничуть не напоминал тот легкий

золотистый оттенок, который приобрел Фрэнк в Шотландии.

– Но кто же вы? – не удержалась я от вопроса.

У Фрэнка было много родни, но мне казалось, что я хорошо знаю всю английскую ветвь семьи. И среди них не было никого, похожего на этого человека. И конечно, Фрэнк рассказал бы мне о любом близком родственнике, живущем в горной Шотландии. И не просто упомянул бы, но настоял бы на визите с ворохом блокнотов и заметок для выяснения новых пикантных фактов из жизни небезызвестного Черного Джека Рэндолла.

В ответ на мой вопрос незнакомец поднял брови:

– Кто я? Я мог бы задать вам тот же вопрос, мадам, и повод у меня куда серьезнее.

Он окинул меня неторопливым взглядом с головы до ног; глаза его нагло и оценивающе обследовали мою фигуру в ситцевом платье и с особым вниманием – мои ноги. Я не вполне поняла смысл этого взгляда, но ужасно разнервничалась, отступила пару шагов и ударилась спиной о древесный ствол.

Он отвел от меня глаза и тем самым словно бы освободил. Я облегченно вздохнула, хотя до той минуты не осознавала, что невольно задерживаю дыхание.

Незнакомец повернулся, чтобы подхватить свой мундир, переброшенный через нижнюю ветку молодого дуба. Отряхнув его от приставших листьев, он начал его натягивать.

Я опять задышала с трудом, потому что он снова посмот-

рел на меня. Мундир у него был ярко-алый, сидел как влитой и был застегнут наглухо. На рукавах отвороты из буйволиной кожи шириной не меньше шести дюймов, на одном из эполетов мерцает небольшое кольцо из золотого шнура. Драгунская форма, причем офицерская. Меня осенило: он, конечно же, актер, из той компании, что я видела на другом конце дубовой рощи. Однако кортик, пристегнутый к поясу, казался куда более реальным, нежели те, какие могли бы быть у актеров.

Я покрепче прижалась спиной к стволу дерева и почувствовала себя увереннее. Скрестила руки на груди, обозначая оборону.

– Да кто же вы, черт вас побери, такой?

Вопрос прозвучал столь вызывающе и грубо, что я сама испугалась.

Он будто и не слышал, продолжая застегивать мундир. Закончив, он повернулся ко мне и шутливо поклонился, прижав руку к груди.

– Я, мадам, Джонатан Рэндолл, эсквайр, капитан его величества восьмого драгунского полка. К вашим услугам.

Я сорвалась с места и пустилась бежать. Задыхаясь, я продиралась сквозь заросли дуба и ольхи, не обращая внимания на куманику, крапиву, трухлявые стволы – одним словом, ни на какие препятствия у себя на пути. Я слышала крик где-то позади, но была слишком напугана, чтобы определить местонахождение источника.

Я бежала вслепую; ветки царапали лицо и руки, я то и дело спотыкалась или оступалась на неровной земле. В голове было пусто, я хотела лишь одного – убежать от этого человека.

Что-то тяжелое ударило меня по спине, я ничком повалилась на землю, растянувшись во весь рост и едва не потеряв сознание. Меня грубо перевернули на спину, и капитан Джонатан Рэндолл встал возле меня на колени. Он дышал тяжело и во время погони потерял свой меч. Растрепанный и грязный, он казался еще и раздраженным.

– Какого дьявола вы кинулись убежать от меня? – спросил он.

Прядь густых темных волос упала на лоб, перечеркнув бровь, и это сделало его невероятно похожим на Фрэнка. Он наклонился и схватил меня за руки. Все еще задыхаясь, я попыталась освободиться, но добилась только того, что он повалился на меня. Джек Рэндолл потерял равновесие и всей тяжестью придавил меня к земле. От удивления он, однако, перестал злиться.

– Ах вот оно что! – произнес он с насмешкой. – Был бы рад оказать тебе эту любезность, дорогуша, но ты выбрала весьма неудачный момент.

Мои бедра плотно прижимались к земле, в поясницу врезался острый камешек. Я попыталась переменить положение, но он еще сильнее налег на меня и обеими руками нажал на мои плечи. Я открыла рот, чтобы возмутиться, но успела

только выговорить: «Что вы себе...», потому что он наклонился и поцеловал меня, оборвав гневную тираду на полуслове. Он просунул язык мне в рот и бесстыдно ворочал им внутри. Он прервал это занятие так же внезапно, как начал, и, откинувшись назад, потрепал меня по щеке.

– Неплохо, дорогуша. Может быть, попозже я выделю часок и займусь тобой как следует.

К этому времени я уже отдышалась и незамедлительно воспользовалась этим. Заорала что было сил прямо ему в ухо, и он отпрянул в сторону, словно я сунула туда раскаленную проволоку. Я успела следом врезать коленом в низ живота; он откатился в сторону и скорчился на рыхлой земле.

Я вскочила на ноги, но он уже оправился от удара и стоял неподалеку. Я дико озиралась по сторонам – чтобы понять, в какую сторону бежать, но мы оказались, как я обнаружила только теперь, у подножия одной из часто встречающихся в Шотландии отвесных гранитных скал – они вздымаются ввысь, точно башни, прямо из земли. Рэндолл нагнал меня в том месте, где в каменной глыбе была выемка, нечто вроде неглубокой пещеры. Он загородил выход, упершись обеими руками в края арки, и посмотрел на меня с выражением злости и любопытства на красивом загорелом лице.

– С кем ты была? – спросил он. – Кто такой Фрэнк? Среди моих однополчан нет человека с таким именем. Может, он живет по соседству, а?

Он насмешливо улыбнулся.

– От твоей кожи навозом не несет, значит, ты была не с крестьянином или арендатором. Да и на вид ты подороже, чем может позволить себе местный фермер.

Я сжала кулаки и выпятила подбородок. О чем бы ни болтал этот придурок, ко мне это не имеет отношения.

– Я не имею ни малейшего представления, о чем вы говорите, и буду очень вам признательна, если вы сейчас же выпустите меня отсюда, – заговорила я самым строгим тоном медсестры.

В свое время этот тон действовал безотказно на чрезмерно навязчивых санитаров и молодых интернов, но капитана Рэндолла он лишь позабавил.

Я изо всех сил старалась подавить страх и растерянность, которые трепыхались у меня в груди, словно перепуганные куры.

Рэндолл медленно покачал головой, внимательно изучая меня взглядом.

– Не сейчас, дорогуша, только не сейчас. Я спрашиваю себя, – произнес он спокойно и уверенно, – почему эта шляха в одной нижней рубашке и к тому же не сняла туфель. И туфель недурных, – добавил он, поглядев на мои кожаные мокасины.

– Что?! – возопила я.

Мое восклицание он пропустил мимо ушей. Посмотрев еще раз мне в лицо, он сделал шаг вперед и взял меня за подбородок. Я схватила его руку и попыталась освободиться.

– Отпустите сейчас же! – крикнула я.

Пальцы у него были сильные, как сталь. Не обращая внимания на мои попытки освободиться, он повернул мое лицо в сторону так, чтобы на него падал меркнувший весенний свет.

– Готов поклясться, это кожа леди, – пробормотал он себе под нос.

Он наклонился вперед и втянул воздух.

– От волос пахнет французским одеколоном.

Он убрал руку, и я возмущенно вытерла подбородок, мне хотелось уничтожить следы его пальцев.

– Все это могло быть оплачено из кошелька твоего хозяина, – рассуждал он. – Но речь... ты и говоришь как леди.

– Премного благодарна! – прошипела я. – Прочь! Меня ждет муж, и если я не вернусь через десять минут, он станет меня искать.

– О, ваш супруг? – Издевательское выражение подчеркнутой вежливости на его лице слегка померкло, но не исчезло полностью. – А как его имя, скажите, пожалуйста? Где он? И почему он позволяет своей жене бродить по лесу полуголой?

Я все время старалась выключить ту часть сознания, которая билась над решением внезапно возникших загадок. Теперь мне не давала покоя мысль, что фамилия у этого человека точно такая же, как у Фрэнка, и это делало мое положение еще более запутанным и тревожным. Не удостоив Рэндолла ответом, я попыталась обойти его. Он преградил мне

дорогу мускулистой рукой, а другую протянул ко мне.

Откуда-то сверху послышался странный свистящий шум, и мимо меня пролетело что-то темное. Раздался глухой удар. Капитан Рэндолл оказался лежащим на земле под тяжелой массой, похожей на ворох из старого и рваного пледа. Из недр этой массы поднялся смуглый тяжелый кулак и тотчас опустил, нанеся мощный удар. Ноги капитана в высоких блестящих коричневых сапогах дернулись и замерли.

Очнувшись от потрясения, я обнаружила, что смотрю кому-то в глаза – черные и пронзительные. Сильная рука, столь своевременно прекратившая домогательства капитана, крепко взяла меня за предплечье.

– А вы еще кто такой, черт возьми? – изумленно проговорила я.

Мой спаситель, если его можно было так называть, оказался на несколько дюймов ниже меня ростом и худощав, но руки отличались развитой мускулатурой, да и вся фигура выглядела необычайно подвижной и спортивной. Лицо некрасивое, рябое, низкие брови и узкие губы.

– Сюда, – произнес он и потянул меня за собой. Оглушенная происходящим, я, не сопротивляясь, последовала за ним.

Мой новый спутник стремительно прокладывал путь через ольшаник, потом обогнул большой валун, и мы вышли на тропу. Проторенная сквозь заросли дрока и вереска, она вилась такими зигзагами, что дальше шести футов ничего не

было видно, и круто шла в гору к вершине холма.

Я стала дышать ровнее и собралась с мыслями не раньше, чем мы достигли вершины; когда мы начали осторожно спускаться с противоположной стороны, я решилась спросить, куда мы идем. Не получив ответа, я повторила вопрос громче.

К моему удивлению, спутник повернулся ко мне с перекошенным лицом и резко столкнул меня с тропы в чащу. Я собралась было запротестовать, но он закрыл мне рот ладонью, повалил на землю и сам упал на меня.

Ну уж нет! Я начала отчаянно сопротивляться и извиваться под ним, но тут услышала то, что, очевидно, первым уловил мой новый знакомец. Громкие голоса, топот ног и хлюпанье грязи. Голоса принадлежали англичанам, то есть я хочу сказать, что их обладатели переговаривались на английском. Я все еще отчаянно старалась высвободиться. Вонзив зубы в ладонь придавившего меня к земле человека, я успела лишь почувствовать, что он не так давно ел соленую сельдь руками, потом что-то ударило меня по затылку, и все поглотила темнота.

Каменный коттедж возник из ночного тумана как-то неожиданно. Ставни были плотно закрыты, пропуская наружу только тонкие ниточки света. Я понятия не имела, сколько времени находилась без сознания, и, разумеется, не могла определить, как далеко мы уехали от Крэг-на-Дун или от

Инвернесса. Уехали – потому что мы сидели в седле на лошади. Захвативший меня в плен спаситель устроил меня перед собой, привязав руки к передней луке седла. Но ехали мы по бездорожью, так что продвигались небыстро.

Я подумала, что в отключке пробыла недолго: никаких симптомов сотрясения или других последствий удара, разве что затылок немного ныл в том месте, по которому меня ударили. Мой похититель оказался человеком немногословным, на мои вопросы, возмущенные восклицания и ядовитые замечания он отвечал типичным шотландским междометием, которое фонетически можно было бы передать как «ммхм». Если бы у меня и были сомнения по поводу его национальной принадлежности, то одного этого звука было бы достаточно, чтобы его устранить.

Глаза постепенно привыкали к темноте, пока лошадь, спотыкаясь, брела между камней и зарослей дрока, поэтому, зайдя из полного мрака в комнату, как мне вначале показалось, ярко освещенную, я была почти ослеплена. Но первое впечатление быстро рассеялось, и я поняла, что в комнате из источников света только горящий очаг и несколько свечей в потускневших подсвечниках; впрочем, потом я заметила невероятно старомодную масляную лампу.

– Кого это ты привел, Мурта?

Мой узколиций похититель вытянул меня за руку поближе к свету.

– Английскую девку, Дугал, судя по ее говору.

В комнате находилось несколько мужчин, и все они разглядывали меня, кто с любопытством, а кто довольно плотоядно. Мое платье было порвано в нескольких местах в результате вечерних авантюр, создать иллюзию благопристойности было невозможно. Сквозь дыру в верхней части лифа я увидела обнаженную грудь; уверена, мужчины тоже ее заметили. Я не стала зажимать рукой ткань – это привлекло бы больше внимания; вместо этого повернулась наугад к одному из мужчин и с вызовом посмотрела ему в глаза, надеясь тем самым отвлечь внимание от своего внешнего вида.

– Англичанка она или нет, но вполне хорошенькая, – сказал этот человек, толстый и весь лоснящийся.

Он сидел возле очага, держа в руке кусок хлеба, с которым не пожелал расстаться, даже когда встал и подошел ко мне. Тыльной стороной ладони он взял меня за подбородок, а потом откинул назад волосы с лица. Хлебные крошки посыпались мне за шиворот. Остальные мужчины тоже столпились вокруг, сплошные пледы и бороды, от них несло потом и перегаром. Только теперь я заметила, что все они в килтах – необычно даже для этой части Шотландии. Может, я попала на собрание клана или полковую вечеринку?

– Не стесняйтесь, барышня.

Эти слова произнес крупный чернобородый мужчина, сидящий за столом у окна.

Жестом он поманил меня к себе. Судя по виду, он тут был

главным. Мужчины неохотно расступились, пропуская Мурту, который повел меня вперед по праву добытчика.

Чернобородый оглядел меня спокойно и бесстрастно. Он был недурен собой и нельзя сказать, что недружелюбен. Однако меж бровей залегли суровые морщины; такому не захочется перечить.

– Как вас зовут, барышня?

Для человека такой внешности голос у него оказался неожиданно высокий – не глубокий бас, который я ожидала услышать при взгляде на его широкую грудь.

– Клэр... Клэр Бошан, – ответила я, решив на всякий случай назвать девичью фамилию.

Если они рассчитывают на выкуп, не стоит облегчать им задачу и называть имя, которое приведет их к Фрэнку. И вообще не стоило сообщать этой подозрительной шайке, кто я такая, прежде чем я узнаю, кто они.

– И почему вы решили, что... – начала было я, но чернобородый не стал меня слушать.

– Бошан? – Он приподнял брови, и все остальные тоже изобразили удивление. – Но ведь это французское имя?

Он произнес фамилию правильно, по-французски, хотя я выговорила ее на английский манер – Бичем.

– Да, совершенно верно, – ответила я немного ошарашенно.

– Где ты нашел ее? – обратился Дугал к Мурте, который пил из кожаной фляжки.

Маленький человечек пожал плечами.

– У подножия Крэг-на-Дун. Она беседовала с драгунским капитаном, с которым я имел честь познакомиться раньше, – сказал он, многозначительно приподняв брови. – Кажется, они обсуждали, шлюха эта леди или нет.

Дугал еще раз окинул меня своим невозмутимым взглядом, внимательно осмотрев мое ситцевое платье и туфли.

– Понимаю. И какова была точка зрения леди по этому вопросу? – спросил он, язвительно подчеркнув слово «леди».

Мурта, казалось, наслаждался происходящим; уголок рта у него пошел вверх, когда он ответил:

– Она утверждала, что не шлюха. Капитан и сам сомневался, так ли это, но собирался провести эксперимент.

– Мы тоже можем этим заняться.

Жирный бородач направился ко мне, расстегивая пояс. Я попятилась от него, но размеры комнаты ограничивали пути отступления.

– Прекрати, Руперт. – Дугал смотрел на меня, нахмурившись, но его голос прозвучал властно, и Руперт перестал. Вид у него при этом был комично разочарованный. – Никакого насилия, да к тому же и времени нет.

Я была весьма признательна за столь дипломатичное разрешение конфликта, хотя с точки зрения этики оно казалось несколько неоднозначным. Меня всерьез беспокоило откровенно похотливое выражение на нескольких лицах. Почему-то я чувствовала себя так, будто появилась на людях в

нижнем белье. Я понятия не имела, кто эти шотландцы, но они казались очень опасными, и я сдержала себя, не позволив нескольким весьма подходящим случаю выражениям сорваться с языка.

– Что скажешь, Мурта? – обратился Дугал к моему похитителю. – Мне кажется, Руперт ей не по душе?

– Никакой выгоды, – отозвался вместо Мурты низкорослый лысый мужчина. – Он не может дать ей серебра. Сами понимаете, ни одна баба не станет забавляться с Рупертом, если только он не заплатит вперед, – добавил он под дружный гогот товарищей.

Дугал унял веселье одним движением руки и кивнул в сторону двери. Лысый, все еще улыбаясь, послушно вышел из комнаты в ночь.

Мурта, не засмеявшийся с остальными, бросил на меня хмурый взгляд и энергично тряхнул прямой и длинной челкой.

– Нет, – сказал он уверенно. – Я понятия не имею, кто она на самом деле, но готов заложить свою лучшую рубаху, что она не шлюха.

Я про себя понадеялась, что речь не о той рубахе, которая на нем, – на эту, пожалуй, никто бы не позарился.

– Кому знать, Мурта, если не тебе, ты их повидал немало на своем веку, – вставил Руперт с недоброй улыбкой, но Дугал резко оборвал его.

– Об этом потолкуем позже, – постановил он. – Нынче но-

чью нам предстоит долгая дорога, а нужно еще попытаться помочь Джейми. В таком состоянии он сам ехать не сможет.

Пока они говорили, я отступила в темный угол возле очага и постаралась не привлекать к себе внимания. Мурта развязал мне руки, прежде чем мы вошли в дом. Может, удастся потихоньку ускользнуть отсюда – у бандитов и без меня хватает забот. Все они обратили внимание на молодого мужчину, сжавшегося на скамье в углу. Он ни разу не поднял глаз, пока меня разглядывали и спрашивали, сидел, опустив голову, держась за плечо и слегка покачиваясь из стороны в сторону, как будто от боли.

Дугал осторожно отвел в сторону его руку. Кто-то другой снял с него плед, под которым виднелась перепачканная грязью и окровавленная рубашка. Невысокий мужчина с густыми усами подошел к юноше сзади и разрезал ее ножом – придерживая за воротник – через грудь к рукаву, так что она сползла с плеча.

У меня дыхание перехватило от этого зрелища – и не у меня одной. На плече была глубокая рана с рваными краями, кровь стекала по груди. Еще хуже дело обстояло с плечевым суставом. Бугор пугающей величины выпирал совсем не в ту сторону, в какую должен, и рука была согнута под неестественным углом.

– Ммхм, – промычал Дугал. – Бедняга, вывих у тебя – не позавидуешь.

Молодой человек впервые поднял голову. Лицо у него

оказалось мужественное и приятное, несмотря на страдальческую гримасу и отросшую рыжую щетину.

– Я упал на руку, когда мушкетная пуля выбросила меня из седла. Всем весом на нее приземлился, она – раз! – и выскочила.

– Выскочила, это точно, – согласился с ним усатый мужичок – судя по выговору, грамотный.

Он коснулся поврежденного плеча, и мужчина поморщился от боли.

– Рана не особо опасная, – продолжил усатый. – Пуля прошла насквозь, и кровь течет свободно.

Он взял со стола какой-то грязный лоскут и приложил его к ране, чтобы остановить кровь.

– А что с вывихом делать, ума не приложу. Чтобы его вправить, нужен костоправ. Ведь ты в таком виде не сможешь ехать верхом, а, Джейми?

Мушкетная пуля? Костоправ? У меня закружилась голова. Смертельно бледный юноша покачал головой.

– Болит ужасно, даже когда просто сидишь. С лошастью мне не сдюжить.

Он опустил глаза и крепко прикусил нижнюю губу.

– Но мы же не сможем оставить его здесь! – горячо сказал Мурта. – Красномундирные не шибко мастера кататься в темноте, но рано или поздно они сюда доберутся. А Джейми с дырой в плече едва ли сойдет за батрака.

– Не тревожься, – сказал Дугал. – Никто не собирается

оставлять его тут.

Усатый вздохнул.

– Что поделаешь, надо поставить сустав на место. Мурта... и ты, Руперт... держите его, а я попытаюсь.

Исполненная сострадания, я наблюдала за тем, как он взял юношу за кисть и за локоть и начал поднимать руку вверх. Угол был неверный. Движение должно было причинять адскую боль. Пот заструился у юноши по лицу, но он не закричал, а только глухо застонал. Но тут же резко дернулся вперед и упал бы, если бы его не держали мужчины.

Один из них откупорил фляжку и приставил ее к губам раненого. Резкий запах алкоголя дошел даже до меня в моем углу. Молодой человек задохнулся, закашлялся, но все-таки сделал небольшой глоток, остальное пролилось на рубашку.

– Попробуем еще разок, а, дружок? – спросил усатый. – Может, у Руперта получится? – он посмотрел на жирного чернобородого бандита.

Руперт, которому доверили дело, вытянул руки, словно собирался ухватиться за кейбер ⁴, вцепился юноше в запястье и явно намеревался силой вправить сустав – в результате рука перекосилась бы, как ручка метлы.

– Не смейте!

Все мои помыслы о бегстве перекрыло чувство профессионального долга, и я вышла вперед, не замечая, с каким

⁴ Кейбер – бревно из ствола молодого дерева, используется при шотландской игре «Метание ствола».

изумлением смотрят на меня мужчины.

– Что вы имеете в виду? – спросил усатый, потрясенный моим появлением.

– Вы сломаете ему руку, если будете действовать подобным образом, – отрезала я. – В сторону, пожалуйста.

Схватив Руперта за локоть, я оттеснила его и перехватила запястье раненого. Парень удивился не меньше остальных, но не возмутился. Кожа у него была теплая, но, кажется, его не знобило.

– Нужно повернуть руку под правильным углом, прежде чем вправлять сустав, – сердито проворчала я, проделывая манипуляцию.

Парень был крепкого сложения, рука тяжелая, как свинец.

– Сейчас будет больше всего, – предупредила я и обхватила ладонью локоть, чтобы приподнять и вправить сустав.

Он со стоном прошептал:

– Хуже, чем теперь, не будет. Давайте же.

Пот каплями струился у меня по лицу. Вправление плечевого сустава – дело непростое в любых обстоятельствах, а здесь я имела дело с крупным мужчиной, который провел с вывихнутой рукой уже несколько часов, мышцы опухли и давили на сустав. Работа требовала серьезного напряжения и сосредоточенности. Очаг находился близко от нас, и я опасалась, как бы мы оба туда не угодили, когда я сделаю финальный рывок. Послышался легкий щелчок – сустав вернулся в нормальное положение. Пациент был изумлен. Не веря в

исцеление, он поднял руку, чтобы испытать ее.

– Она больше не болит! – воскликнул он с широкой улыбкой, в то время как остальные одобрительно закричали и захлопали в ладоши.

– Будет болеть, – сказала я, мокрая от напряжения, но довольная результатом. – Руку надо беречь несколько дней, а первые два или три дня вообще не напрягать. Разрабатывайте ее медленно и понемногу. Прекращайте движение, если почувствуете боль, и каждый день делайте теплые компрессы.

Давая советы, я спохватилась, что, хоть мой пациент слушает меня уважительно, остальные преисполнились подозрительности.

– Я медсестра, – сказала я, чувствуя необходимость объяснить.

Глаза Дугала, а следом и Руперта остановились на моей груди и задержались там со смешанным выражением осуждения и восхищения. Потом они переглянулись, и Дугал повернулся ко мне.

– Будь кем хочешь, – сказал он. – Хоть ты и кормилица ⁵, но лечить, кажется, умеешь. Ты перевяжешь парню рану так, чтобы он мог сидеть верхом на коне?

– Да, рану я перевязать могу, – ответила я резко. – Если найдется, чем перевязать. Но что значит «кормилица»? Почему вы так говорите? И вообще, почему вы думаете, что я

⁵ Английское слово «nurse» означает и «медсестра», и «няня», и «кормилица».

обязана вам помогать?

На мою отповедь Дугал не обратил внимания; он отвернулся и заговорил на языке, который я идентифицировала как гэльский, с женщиной, забившейся в угол. Окруженная толпой мужчин, прежде я ее не заметила. Одета она была, как мне показалось, довольно странно: длинная рваная юбка, нечто вроде кофты с длинными рукавами, а поверх нее то ли короткий жилет, то ли камзол. Выглядело все вместе не слишком аккуратно, да и лицо чистотой не отличалось. Впрочем, как я уже заметила, в этом доме не было ни электричества, ни водопровода – в общем-то, это объясняло и даже извиняло неряшливость.

Женщина сделала короткий реверанс и, проскочив за спинами Руперта и Мурты, начала копать в раскрашенном деревянном сундуке возле очага, откуда выгребла кучу ветхого тряпья.

– Нет, это не пойдет, – сказала я, брезгливо коснувшись тряпок кончиками пальцев. – Рану надо сперва продезинфицировать, а потом перевязать чистой тканью, если у вас нет стерильного бинта.

Брови мужчин взлетели вверх.

– Продезинфицировать? – медленно проговорил усатый коротышка.

– Вот именно, – подтвердила я, решив, что, несмотря на грамотную речь, коротышка простоват. – Из раны необходи-

мо удалить грязь, а после обработать обеззараживающим составом, чтобы уничтожить микробы и обеспечить нормальное заживление.

– Чем же?

– Ну хоть йодом, – ответила я, но, заметив на лицах пустоту, продолжила: – Мертиололом? Раствором карболовой кислоты? Ну хотя бы просто алкоголем...

Лица прояснились. Наконец-то я нашла понятное слово. Мурта сунул мне в руки кожаную фляжку. Я только вздохнула. Мне было известно, что шотландцы в большинстве необразованны, но чтобы до такой степени...

– Послушайте, – сказала я как можно терпеливее и очень внятно, – почему бы вам не отвезти его в город? Это не так уж далеко, а в городе есть врач, который им займется.

Женщина подняла на меня вопросительный взгляд:

– Какой город?

Дугал в этом обсуждении не участвовал: приподняв край занавески, он что-то высматривал в темноте за окном. Потом неторопливо пошел к выходу. Едва он исчез за дверью, все мужчины умолкли.

Скоро Дугал вернулся, но не один, а с лысым мужчиной; вместе с ними в комнату ворвался холодный воздух и острый запах сосновой смолы. В ответ на вопросительные взгляды Дугал покачал головой:

– Нет, вокруг чисто. Но нужно ехать, пока все спокойно.

Я попала в поле его зрения; он постоял, подумал, затем

кивнул в мою сторону:

– Она едет с нами.

Он порылся в куче тряпья, достал нечто потрепанное, похожее на галстук или шейный платок, знававший лучшие дни.

Усатый был явно не рад тому, что я буду их сопровождать.

– Почему бы не оставить ее здесь?

Дугал бросил на него недовольный взгляд, но объяснять доверил Мурте.

– Где бы ни были красномундирные сейчас, утром они сюда непременно заявятся, – сказал тот. – Если эта баба – английская лазутчица, мы не можем так рисковать, она им расскажет, куда мы ушли. А если у нее с ними не все гладко, – он с сомнением глянул на меня, – то мы не должны оставлять женщину одну, да еще в таком виде.

Лицо у него немного прояснилось; он пощупал ткань моего платья и добавил:

– Может, за нее дадут приличный выкуп. Одежды негусто, но материя хорошая.

– Кроме того, – перебил Дугал, – она может быть полезна, ведь она умеет лечить. Но сейчас у нас нет времени. Боюсь, Джейми, что не успеем тебя дезинфицировать, поедешь как есть.

Он похлопал юношу по здоровому плечу.

– Справишься одной рукой?

– Да.

– Славный мальчуган. Вот, – добавил он, бросив мне засаленную тряпку. – Перевяжи ему руку, да поскорее. Мы выезжаем немедленно. Приведите лошадей, – приказал он Мурте и Руперту.

Я с отвращением повертела тряпку в руках.

– Я не могу это использовать, – сказала я. – Тряпка грязная.

Великан Дугал схватил меня за плечо; его темные глаза находились в нескольких дюймах от моих.

– Ты сделаешь это, – сказал он.

И оттолкнув меня, зашагал к двери вслед за двумя своими приспешниками. Я была немного ошарашена, однако решила выполнить приказ и перебинтовать плечо раненого по возможности хорошо. Моя медицинская совесть не позволяла использовать грязный платок для перевязки. Надо было найти что-то получше, и, забыв о страхе, я стала перебирать тряпки на столе – напрасно. Тогда я решила оторвать край своей комбинации из вискозы – отнюдь не стерильной, но все же чище того, что оказалось под рукой. Полотно на рубашке моего пациента было старое и изношенное, но на удивление плотное. Не без труда я оторвала рукав и кое-как соорудила из него перевязь. Отступила немного назад, чтобы оглядеть результаты своей работы, и наткнулась спиной на Дугала: он незаметно вошел в комнату и наблюдал за моими манипуляциями.

Перевязка ему понравилась.

– Неплохая работа, барышня. Идем, все готово. – Он дал женщине монету и вывел меня из коттеджа.

Джейми, все еще очень бледный, последовал за нами. Поднявшись со скамейки, мой пациент обнаружил высокий рост, он был на несколько дюймов выше весьма рослого Дугала.

Чернобородый Руперт и Мурта держали на дворе шесть лошадей и ласково говорили им что-то по-гэльски.

Луны не было, но в свете звезд металлические части сбруи поблескивали, словно ртуть. Я подняла голову и изумленно замерла: никогда еще я не видела такого количества звезд. Опустив глаза и окинув взглядом окрестный лес, я поняла, в чем дело. Ни один город здесь не бросал на небо отсвет своих огней, и звезды утвердили безраздельное господство над ночью.

И тут я замерла; другой холод, посильнее ночной прохлады, пробежал по телу. Никаких городских огней... Женщина в доме спросила: «Какой город?» За годы войны я привыкла к затемнениям и воздушным налетам, и поначалу отсутствие света не встревожило меня. Но сейчас мирное время, и огни Инвернесса должны быть видны издалека.

В темноте фигуры мужчин утратили четкие контуры, превратившись в бесформенную массу. Я подумала о том, чтобы ускользнуть в лес, но Дугал, будто прочитав мои мысли, схватил меня за локоть и подтолкнул к лошадям.

– Джеймс, садись в седло, – сказал Дугал. – Девица поедет

с тобой.

Он стиснул мой локоть.

– Ты можешь держать поводья, если Джеймс не справится с одной рукой, но следи за тем, чтобы не отставать. Если будешь коленца выкидывать, перережу глотку. Поняла?

Я только кивнула – горло стало сухим, как наждачка, и я не могла сказать ни слова. Голос у Дугала был спокойный, но я верила каждому слову. «Выкидывать» я ничего не собиралась – попросту не знала, что можно сделать. Я не знала, где я, кто мои спутники, почему мы уезжаем в такой спешке и куда держим путь, – не было ни одной причины, почему бы я хотела ехать с ними. Я тревожилась о Фрэнке, который, конечно, давным-давно заметил мое исчезновение и начал меня разыскивать, но упоминать о нем было, пожалуй, бессмысленно.

Дугал, как видно, прочел ответ на моем лице, потому что отпустил мою руку и наклонился ближе. Я стояла, глупо уставившись на него, а он прошипел:

– Вашу ногу, барышня! Дайте вашу ногу! – Потом уже раздраженно: – Левую ногу, левую!

Я поспешно исправила ошибку, убрала правую ногу и поставила ему на руку левую, а он, ворча себе под нос, помог мне забраться в седло и усадил позади меня Джейми, который приобнял меня здоровой рукой.

При всей нелепости и дикости ситуации я была тем не

менее признательна молодому шотландцу за тепло. От него пахло лесом, кровью, невымытым мужским телом, однако ночная прохлада забиралась под тонкое платье, и я была рада покрепче прижаться к нему.

Мы почти бесшумно двигались сквозь звездную ночь, только уздечки позвякивали чуть слышно. Мужчины не говорили между собой будучи настороже. Едва мы выбрались на дорогу, лошади перешли на рысь; меня жутко трясло в седле, так что желание поболтать отсутствовало, даже если бы нашлись охотники.

Мой спутник, казалось, не испытывал дискомфорта, несмотря на то что правая рука у него не работала. Его бедра прижимались к моим, и я чувствовала, как он поочередно расслабляет и напрягает их, управляя лошадыю. Я вцепилась в край седла, чтобы удержаться на месте; мне прежде приходилось ездить верхом, но я и в подметки не годилась такому наезднику, как Джейми.

Спустя какое-то время мы остановились на перекрестке, Дугал и лысый начали о чем-то негромко совещаться. Джейми тем временем бросил поводья коню на шею и пустил его на обочину пощипать траву, сам же принялся ерзать и крутился в седле.

– Осторожнее, – предупредила я. – Не вертитесь так, повязка соскочит. Чем это вы заняты?

– Пытаюсь размотать плед, чтобы укрыть вас, – ответил он. – Вы дрожите. Но одной рукой никак не управиться. Вы

поможете мне расстегнуть брошь?

Повозившись немного, мы наконец высвободили плед. После этого Джейми на удивление быстрым и ловким движением набросил плед себе на спину, а концы опустил мне на плечи и заткнул под край седла. Таким образом мы с ним оказались тепло укутаны.

– Ну вот! – сказал Джейми. – Мы вовсе не хотим заморозить вас по дороге.

– Спасибо! – от всей души поблагодарила я. – Но куда же мы едем?

Я не видела его лица, поскольку он сидел у меня за спиной. Он немного помолчал, потом коротко рассмеялся и сказал:

– Честно говоря, я не знаю. Полагаю, мы оба узнаем, когда прибудем на место.

В очертаниях окружающей местности мне почудилось что-то знакомое. Я определенно уже когда-то видела этот громадный скальный массив, напоминающий хвост петуха.

– Кокнаммон-Рок! – воскликнула я.

– Так и есть, – отозвался мой спутник, не особенно удивленный моим открытием.

– Но разве англичане не устраивают там засады? – спросила я, припомнив нудные подробности местной истории, которыми Фрэнк пичкал меня всю неделю. – Если поблизости есть английский патруль... – Тут я запнулась.

Если поблизости есть англичане, мне не стоит привлекать к этому факту внимание. И если где-то здесь нас ждет засада, то я, вообще-то, неотделима от Джейми, с которым мы закутаны в один плед. Я снова вспомнила о капитане Рэндолле и невольно вздрогнула. Все, что произошло после того, как я вошла в промежуток между двумя плитами хенджа, приводило к единственно возможному, но невероятному выводу: человек, встреченный мной в лесу, – прадед Фрэнка в шестом колене. Все во мне восставало против такого вывода, но факты – вещь упрямая.

Поначалу я вообразила, что вижу необычайно яркий сон, но поцелуй Рэндолла – грубый, циничный и вполне реальный, развеял мою надежду. В равной степени не был иллюзорным и удар Мурты по голове: шишка ныла так же ощутимо, как и натертые седлом ноги. А кровь... Я довольно видела крови, и, разумеется, она могла мне присниться, но запах крови, исходящий от человека, сидевшего рядом на лошади, не мог быть сном: я чувствовала его – теплый и отдающий медью.

Джейми, причмокнув губами, подогнал своего коня поближе к Дугалу и негромко заговорил с ним по-гэльски. Лошади пошли медленнее.

По сигналу предводителя Джейми, Мурта и лысый отстали, а остальные двое пришпорили коней и галопом пустились направо, к скалам, виднеющимся примерно в четверти мили. Взошел месяц, осветив даже листья мальв у дороги,

но темные тени в просветах между камнями могли скрывать что угодно.

Едва галопирующие всадники поравнялись со скалами, как сверкнул огонь и из-за камней громыхнул мушкетный выстрел. Позади меня раздался леденящий душу вопль, лошадь рванулась вперед, словно ее хлопнули по крупу. Мы понеслись к скалам по вересковой пустоши, Мурта и все остальные рядом с нами, в ночном воздухе летели крики и возгласы, от которых волосы вставали дыбом.

Испугавшись, я прижалась к лошадиной шее. Неожиданно Джейми свернул к высокому кусту дрока, ухватил меня поперек туловища и бесцеремонно швырнул прямо в куст. После чего развернулся и погнал лошадь, огибая скалы с южной стороны. Я успела разглядеть пригнувшегося к седлу всадника, и лошадь скрылась в тени. Когда она появилась вновь, в седле было пусто.

Скалы стояли, укрытые тенью; до меня доносились крики и одинокие мушкетные выстрелы, но я не могла разглядеть, двигались ли там люди, или то раскачивались чахлые дубки, которые торчали среди камней.

Из куста я выбралась не без труда, пришлось вытаскивать колючие ветки из платья и волос. Я лизнула ссадину на руке и стала размышлять, что же, черт побери, мне предпринять. Дождаться их здесь? Если шотландцы победят или хотя бы выживут, они, вероятно, вернутся за мной. Если нет, то меня могут обнаружить англичане, и тогда они решат, что, раз я

была вместе с шотландцами, я на их стороне или в сговоре с ними. В каком сговоре, я не знала, но из разговоров в коттедже ясно, что сговор этот англичанам очень не нравится.

Вероятно, разумнее всего не присоединяться ни к одной из сторон. В конце концов, теперь я знала, где нахожусь, и могу вернуться в известный мне город или деревню, даже если придется всю дорогу идти пешком. И я решительно направилась к дороге, то и дело натыкаясь на гранитные наросты – незаконные отпрыски Кокнаммон-Рока.

Лунный свет искажал перспективу; все виделось ясно, но казалось двумерным и плоским – сухие листья и камни казались одинаково высокими, и я то задирала ногу над несуществующим препятствием, то врезалась в торчащий из земли камень.

Звуки столкновения утихли к тому времени, как я добралась до дороги. Я понимала, что здесь меня хорошо видно, но нужно было идти, если я хотела попасть в город. Я плохо ориентируюсь в темноте и не могу определять свое местоположение по звездам, Фрэнк не научил меня этому. От мыслей о Фрэнке захотелось рыдать, и я постаралась отвлечься, раздумывая над тем, что случилось во второй половине дня.

Это казалось непостижимым, однако все говорило о том, что я нахожусь в каком-то месте, где все еще сохраняются обычаи восемнадцатого века. Можно было бы принять происходящее за костюмированное представление, если бы не

рана Джейми. Она явно стала следствием чего-то, похожего на пулю от мушкета. И поведение мужчин в коттедже не слишком напоминало актерскую игру. То были серьезные люди с настоящим холодным оружием.

Может, это какой-то анклав, община, где местные жители периодически занимаются исторической реконструкцией? Я слышала, что такое делают в Германии, но ни разу – в Шотландии. К тому же, как мне ядовито подсказала рациональная часть мозга, никто и никогда не слышал о том, чтобы актеры стреляли друг в друга из мушкетов.

Я оглянулась назад, чтобы понять, как далеко я ушла, потом посмотрела вперед, на линию горизонта, – и меня зазнобило. Впереди я не видела ничего, кроме вершук сосен, непроглядно черных на фоне усыпанного звездами неба. Где же огни Инвернесса, куда они делись? Если позади меня Кокнаммон-Рок – а это именно так, – то Инвернесс находится примерно в трех милях к юго-западу. На таком расстоянии должно быть видно зарево городских огней в небе.

Меня трясло, я обхватила себя ладонями за локти, чтобы немного согреться. Допустив на мгновение совершенно безумную мысль, что я не в своем, а каком-то ином времени, я напомнила себе, что Инвернессу все-таки шестьсот лет, стало быть, он уже существует. Но его огней не видно. В отсутствие электричества их и не может быть. Вот еще одно доказательство, только нужно ли оно? И доказательство че-

го, собственно говоря?

Темная фигура человека выросла передо мной так неожиданно, что я едва не врезалась в него. Подавив вскрик, я повернулась, чтобы убежать, но большая рука ухватила меня за предплечье и остановила.

– Не пугайтесь, девушка. Это же я.

– Именно этого я и боялась, – отрезала я, хоть на самом деле испытала облегчение от того, что это Джейми.

Я опасалась его меньше, чем остальных мужчин, пусть даже он выглядел не менее грозно, чем они. Но он совсем молодой, кажется, даже моложе меня. Кроме того, довольно трудно бояться того, кто стал твоим пациентом.

– Надеюсь, вы берегли свое плечо, – заговорила я тоном госпитальной матроны; может, выступая в роли старшей, мне удастся убедить его отпустить меня.

– С этой заварушкой получилось не очень, – заявил он, растирая плечо другой рукой.

В ту же минуту он шагнул на залитый лунным светом пятачок, и я увидела на его рубашке огромное пятно крови. Артериальное кровотечение? Но тогда как он до сих пор стоит на ногах?

– Вы ранены! – воскликнула я. – Ваша прежняя рана открылась или это свежая? Сядьте и дайте мне посмотреть.

Я подтолкнула его к груде камней, лихорадочно припоминая способы оказания первой помощи в полевых условиях. И ничего нет под рукой, кроме одежды. Я уже потянулась за

остатками подола своей комбинации, чтобы сделать жгут и остановить кровотечение, но тут Джейми рассмеялся.

– Да нет, за это не беспокойтесь. Кровь не моя. Во всяком случае, большая часть, – сказал он, осторожно отделяя от своего тела напитавшуюся кровью ткань.

– Вот оно что, – слабым голосом прошептала я и сглотнула, потому что меня вдруг замутило.

– Дугал и остальные ждут на дороге, – продолжал Джейми. – Идем.

Он потянул меня за руку – отнюдь не из любезности, а скорее, чтобы принудить следовать за ним. Я решила испытать судьбу и уперлась покрепче каблуками в землю.

– Нет! Я с вами не пойду!

Он остановился, удивленный сопротивлением.

– Да нет, пойдете.

Нельзя сказать, что мой отказ его рассердил, скорее, развеселил – как это я посмела возражать против очередного похищения.

– А если я откажусь? Перережете мне глотку? – спросила я, провоцируя его.

Джейми подумал, оценивая ситуацию, и ответил спокойно:

– Конечно, нет. Вы не тяжелая. Если не пойдете сами, переброшу вас через плечо и понесу. Хотите, чтобы я так и сделал?

Он шагнул ко мне, и я поспешно отступила. Я ничуть не

сомневалась, что он так и поступит, несмотря на ранение.

– Нет! Вам нельзя, вы снова повредите сустав.

Лицо его было скрыто в тени, но в лунном свете сверкнула улыбка.

– Ладно, если вы не хотите, чтобы я повредил сустав, значит, пойдете со мной.

Я не знала, что ему ответить. Он снова крепко взял меня за руку, и мы пошли к дороге.

Джейми поддерживал меня, когда я спотыкалась о камень или кочку. Сам он шагал по неровной вересковой пустоши так уверенно, словно шел по шоссе ясным днем. Я с раздражением подумала, что у него зрение как у кошки, потому он и нашел меня в темноте.

Остальные, как и обещал Джейми, ждали с лошадьми неподалеку. Очевидно, из заварушки они вышли без потерь – все были на месте. Кое-как, не заботясь о том, чтобы быть грациозной, я вскарабкалась на лошадь и плюхнулась в седло. Нечаянно ткнула головой Джейми в больное плечо, и он со свистом втянул в себя воздух от боли.

Подчеркнутой официальностью тона и некоторым высокомерием я постаралась выразить свою обиду на него за то, что меня снова взяли в плен, и досаду из-за того, что невольно причинила боль раненому.

– Так вам и надо, шатаетесь по округе, выслеживаете людей. Я велела вам не напрягать больной сустав. Наверняка

теперь у вас порваны мышцы или связки, да еще новые синяки в придачу.

Его, казалось, насмешила моя суровость.

– Ну, у меня особого выбора-то не было. Если бы я работал этим суставом, мне, скорее всего, не было бы нужды вообще хоть чем-то двигать в итоге. Я могу справиться одной рукой с одним, а то и с двумя красномундирными, – заявил он не без гордости, – но с тремя, пожалуй, нет. А кроме того, – он слегка притянул меня к себе, и я прижалась спиной к его пропитанной кровью рубашке, – вы заново вправите мне кость, когда мы прибудем на место.

– Это вы так считаете, – холодно ответила я и отодвинулась от липкой ткани.

Джейми причмокнул губами, понукая лошадь, и мы тронулись. Все мужчины были в приподнятом настроении после стычки, шутили и смеялись. Мой вклад – предупреждение о засаде, точнее, о ее возможности, – оценили сверх всякой меры и пили за мое здоровье из фляжек. Мне тоже предложили выпить, но я отказалась, объяснив это тем, что хочу сидеть в седле трезвой. Из разговора я поняла, что произошла перестрелка с небольшим английским отрядом, вооруженным саблями и мушкетами.

Джейми тоже протянули фляжку, и до меня донесся теплый ароматный запах, когда он начал пить. Я не страдала от жажды, но от напитка тянуло медом, и это напомнило мне, что я сильно и давно голодна. В животе, видимо, в знак про-

теста против моего безрассудного невнимания к таким важным вещам, раздалось громкое урчание.

– Эй, Джейми, парень? Ты что, голоден? Или волынку захватил с собой? – крикнул Руперт, ошибившись с источником звука.

– Готов даже волынку съесть, – отозвался Джейми, галантно отведя от меня подозрения.

Через минуту он протянул мне фляжку.

– На, глотни, – шепнул он. – Сытости он не добавит, но голод немного притупит.

Я надеялась, что притупит не только голод. Взболтнула жидкость во фляжке и сделала глоток.

Мой спутник оказался прав: виски зажег небольшой теплый огонек у меня в желудке, чуть усмирив чувство голода. Несколько миль мы проехали без приключений, поочередно совершая повороты при помощи поводыев и прихлебывая виски. Однако возле развалин какого-то дома дыхание моего спутника изменилось – стало прерывистым и тяжелым. Наш баланс в седле, до сих пор сопровождавшийся мерным покачиванием, внезапно нарушился. Движения стали случайными и резкими. Я занервничала, уж если я не опьянела, то Джейми и подавно не должен был.

– Стоп! На помощь! – закричала я через минуту. – Он падает!

Я отлично помнила, как спешила последний раз, и по-

вторение этого опыта мне не улыбалось.

Силуэты закружились вокруг нас, взволнованно переговариваясь. Джейми, подавшись головой вперед, сполз с седла, словно мешок с камнями, к счастью – прямо кому-то на руки. Все остальные тотчас спешили и уложили Джейми на землю, пока я спускалась.

– Он дышит, – сообщил кто-то.

– Весьма отратно, – буркнула я ядовито, поспешно нащупывая пульс.

Через какое-то время я его обнаружила; сердце билось часто, но сильно. Положив руку Джейми на грудь и прильнув ухом к его губам, я почувствовала, что дышит он ровно, без напугавших меня перебоев и хрипоты. Я выпрямилась.

– Я думаю, это просто обморок, – сказала я. – Положите ему под ноги седельную сумку и дайте воды.

К моему удивлению, все мои просьбы выполнялись стремительно. Юноша, как видно, был им дорог. Он застонал и открыл глаза, два темных провала в свете звезд. Лицо в этом бледном и неверном свете напоминало череп, белая кожа туго обтягивала скулы и глазницы.

– Я в порядке, – произнес Джейми и попытался сесть. – Просто закружилась голова.

Я уперлась ладонью ему в грудь и заставила вернуться в лежачее положение.

– Лежите смирно, – приказала я и, ощупав плечо и грудь, повернулась к темной фигуре, в которой угадала Дугала, их

предводителя. – Рана от пули снова кровоточит, к тому же этого идиота полоснули ножом. Полагаю, что порез не опасный, но он потерял очень много крови. Рубашка насквозь мокрая, и я не знаю, сколько из этой крови его. Ему нужен отдых, нам придется побыть тут хотя бы до утра.

Темная фигура отрицательно мотнула головой.

– Нет. Мы достаточно далеко от гарнизона, оттуда опасности можно не ждать, но нельзя забывать про патрули. Ехать нам еще не меньше пятнадцати миль.

Дугал запрокинул голову к небу, чтобы определить время.

– Сейчас не меньше пяти часов, даже, пожалуй, ближе к семи. Мы можем задержаться тут ненадолго, подождать, пока вы остановите кровотечение и перевяжете рану, но не дольше.

Я принялась за дело, ругаясь себе под нос, а Дугал распорядился, чтобы один из мужчин держал лошадей и наблюдал за дорогой. Остальные отдыхали, потягивая из фляжек виски и тихо переговариваясь. Мурта помогал мне – рвал ткань на полосы, подавал воду и приподнимал раненого, которому запрещено было двигаться самостоятельно, хотя он бурчал, что в порядке и все это ни к чему.

– Вы не можете быть в порядке, вы, естественно, не в порядке, – отрезала я, давая волю страху и раздражению. – Каким придурком надо быть, чтобы, получив серьезное ножевое ранение, просто проигнорировать его? Вы не могли сказать, что у вас сильное кровотечение? Вам повезло, что вы

не умерли, шастая по окрестностям всю ночь, затевая ссоры и драки. Да еще с лошади свалился... лежи смирно, чертов дурень!

Полосы вискозы с комбинации и полотна, которые я была вынуждена использовать, куда-то все время ускользали в темноте, словно живая рыба, выскакивали из пальцев – сверкнет серебристым брюшком и уйдет на глубину. Несмотря на холод, пот струйками стекал по спине. Наконец, с великим трудом я завязала один узел спереди и потянулась за последней полоской, уползшей за спину.

– Где же он... вы... о чертов ублюдок, что же ты натворил! – Джейми шевельнулся, и первый узел развязался.

На мгновение воцарилась мертвая тишина.

– Господи Иисусе, – проговорил Руперт, – никогда не слышал, чтобы женщина так ругалась.

– Ты, видно, никогда не встречался с моей теткой Гризеллой, – произнес чей-то голос, вызвав взрыв хохота.

– Твой муж наказал бы тебя, женщина, – донесся строгий голос из-под дерева. – Святой Павел говорит: «Принуди женщину к молчанию и...»

– Не лезьте, черт побери, не в свое дело, – огрызнулась я, чувствуя, как пот стекает за уши. – И святой Павел тоже.

Я вытерла рукавом лоб.

– Поворачивайте его на левый бок. А вы, – обратилась я к своему пациенту, – если вы шевельнете хоть пальцем, пока я завязываю этот узел, я вас задушу!

– Понятно, – кротко отозвался он.

Я слишком сильно потянула последний бинт за концы, и он выскочил у меня из рук.

– Чтоб его к дьяволу в пекло унесло! – прорычала я, от злости и досады ударив кулаком по земле.

Снова повисла тишина, потом, пока я нащупывала в темноте вертлявый бинт, прозвучал новый комментарий относительно моей манеры выражаться.

– Может, ее следует отослать в монастырь Святой Анны, Дугал, – предложил некто, сидящий на корточках у дороги. – Я не слыхал, чтобы Джейми ругался по дороге с побережья, а ведь он, бывало, позволял себе такое, от чего даже матрос покраснеет. Четыре месяца в монастыре сделали свое дело. Ты теперь даже имя Божие не произносишь всуе, а, парень?

– Ты бы тоже не произносил, если бы на тебя наложили епитимью и заставили в феврале целых три часа лежать на каменном полу часовни после полуночи в одной рубашке, – ответил мой пациент.

Мужчины расхохотались, а Джейми продолжал:

– Епитимья-то была на два часа, остальное время я потратил на то, чтобы подняться с пола. Я уж решил было, что мои... то есть я думал, что примерз к плитам, но оказалось, просто одеревенел от холода.

Он явно чувствовал себя лучше. Я невольно улыбнулась, но произнесла как можно строже:

– Веди себя тихо, а не то получишь.

Он осторожно коснулся повязки, но я убрала его руку.

– Угрозы? – он изобразил удивление. – Подумать только, а ведь я делил с тобой выпивку!

Фляжка обошла мужчин по кругу. Дугал опустился на колени рядом со мной и протянул фляжку раненому, чтобы тот хлебнул из нее. Из горлышка ударил запах очень крепкого виски, и я отодвинула ее рукой.

– Не надо больше алкоголя, – сказала я. – Ему нужен чай, в крайнем случае вода, но ни в коем случае не спиртное.

Дугал, не обращая на меня внимания, налил порционную порцию виски раненому прямо в рот. Джейми закашлялся. Подождав ровно столько, сколько нужно было парню, чтобы отдышаться, Дугал повторил процедуру.

– Прекратите же! – Я снова потянулась к фляжке. – Вы что, хотите напоить его так, чтобы он на ноги не мог встать?

Меня грубо оттолкнули локтем.

– А она у нас горячая штучка! – вставил мой пациент весело.

– Не лезь не в свое дело, женщина, – резко произнес Дугал. – Нам предстоит долгая дорога, и ему понадобится вся сила, которую может дать выпивка.

Когда перевязка закончилась, раненый попытался сесть.

Я уложила его обратно и коленом придавила к земле.

– Не двигайтесь! – яростно приказала я, ухватила Дугала за подол килта и дернула изо всех сил так, что он снова опустился на колени рядом со мной. – Взгляните вот на это, –

предложила я тоном строгой палатной сестры и сунула ему в руку мокрую и липкую от крови рубашку Джейми, вернее, ее обрывки.

Дугал с отвращением отбросил окровавленные тряпки.

Тогда я положила его ладонь раненому на плечо.

– Чувствуете? У него резаная рана трапециевидной мышцы.

– Это меня штыком, – пояснил Джейми.

– Штыком! – воскликнула я. – А почему вы мне об этом не сказали?

Он пожал плечами, но тотчас негромко застонал от боли.

– Я почувствовал, как он ткнул меня, но не знал, насколько сильно. Болело не очень.

– А сейчас болит?

– Болит, – коротко ответил он.

– Прекрасно, – заявила я, окончательно выйдя из себя. – Вы это заслужили. Будете знать, как носиться по горам, похищать молодых женщин, у-убивать людей, и...

Я почувствовала, что слезы рвутся наружу, и замолчала, стараясь овладеть собой.

Дугал окончательно потерял терпение:

– Ладно, ты можешь сидеть верхом, парень?

– Он никуда не может ехать! – запротестовала я. – Он должен быть в больнице. Конечно же, он не может...

На мои протесты, как и прежде, не обратили никакого внимания.

– Ты можешь ехать верхом? – повторил Дугал свой вопрос.

– Да, если вы уберете барышню у меня с груди и дадите мне чистую рубашку.

Глава 4

Я прибываю в замок

Остаток путешествия прошел непримечательно, если вам не кажется примечательной ночная поездка верхом по пересеченной местности и бездорожью, в обществе вооруженных мужчин в килтах и на одной лошади с раненым. По тем стандартам, к которым я уже начала привыкать, все это не выходило за рамки обыденности.

Светлые полосы занимающейся зари протянулись над погруженной в ночной туман вересковой пустошью. Конечный пункт нашей поездки возник впереди в виде огромной массы темного камня, обведенной серой каймой света.

Окрестности уже не были тихими и пустынными. Цепочка плохо одетых людей тянулась по направлению к замку. Они отступали на обочину, чтобы пропустить нашу процессию, и с любопытством рассматривали мое одеяние, явно казавшееся им странным.

Густой туман еще не рассеялся, но было достаточно света, чтобы разглядеть каменный мост, перекинутый через неширокий поток, бежавший мимо замка вниз к поблескивающему в четверти мили озеру.

Очертания замка казались грубыми. Никаких резных башенок или зубчатых стен. Он походил на хорошо укрепленный дом с толстыми каменными стенами и высокими узкими

окнами. Несколько труб дымились над гладкой черепичной крышей, усиливая общее впечатление серости.

Ворота замка были достаточно широки: в них свободно могли проехать две телеги одновременно. Я могу это утверждать без опасения преувеличить, потому что именно это и случилось, когда мы въехали на мост. Одна телега, запряженная волами, была нагружена бочками, вторая – сеном. Наш небольшой отряд застрял на мосту, дожидаясь, пока телеги завершат свои маневры.

Когда лошади ступили на скользкие каменные плиты двора, я решила задать вопрос. Я не обменялась со своим попутчиком ни единым словом с того самого момента, когда перевязала его на дороге. Он, как и я, молчал, если не считать стонов, когда оступалась лошадь.

– Где мы? – спросила я голосом, хриплым от холода и долгого молчания.

– У ворот Леоха, – коротко ответил Джейми.

Замок Леох. Теперь я по крайней мере знаю, где мы. В моем времени он представлял собой живописные руины миль в трех от Баргрэннана. В нынешнем состоянии он, несомненно, стал еще живописнее благодаря свиньям, копошащимся у стен башни, и вездесущей вони нечистот. Я начала, наконец, мириться с невероятной мыслью о том, что попала в восемнадцатый век.

Я была абсолютно уверена, что в Шотландии 1945 года нет подобной грязи и антисанитарии, даже после бомбежек. А

мы точно в Шотландии: местный говор не оставлял никаких сомнений.

– Эй, Дугал! – крикнул потрепанный конюх, подбегая, чтобы забрать коня у предводителя. – Ты рано вернулся, мы и не ждали тебя до собрания.

Руководитель нашей маленькой группы соскочил на землю, бросив поводья неопрятному юнцу.

– Да, это хорошо, нам повезло и на доброе, и на дурное. Я хочу сразу же увидеть брата. Можно ли вызвать миссис Фиц, чтобы она покормила ребят? Им нужен завтрак и отдых.

Он кивком приказал Мурте и Руперту следовать за ним, и они вошли под стрельчатую арку.

Мы спешили и добрых десять минут дожидались на мокром дворе, дожидаясь миссис Фиц, кто бы она там ни была. Орава любопытных ребятишек собралась вокруг нас, высказывая разные гипотезы о том, кто я такая и зачем приехала. Самые нахальные набрались смелости подергать меня за платье, но тут из дома вышла высокая полная леди в темно-коричневом домотканом платье и прогнала их.

– Уилли, милый ты мой! – воскликнула она. – Как я рада тебя видеть! И Недди!

Она приветствовала маленького лысого человечка сердечным поцелуем, от которого он едва не упал.

– Я думаю, вам нужен завтрак. В кухне все готово, идите поешьте.

Повернувшись затем ко мне и Джейми, она ошеломленно

попятилась, словно ее укусила змея. Разинув рот, она глядела на меня, потом перевела взгляд на Джейми, ожидая объяснений.

– Клэр. – Он кивком указал на меня. – А это миссис Фицгиббонс, – добавил он, кивнув на нее. – Мурта нашел ее вчера, и Дугал сказал, что мы должны взять ее с собой.

Таким образом он дал понять, что он ни при чем.

Миссис Фицгиббонс закрыла рот и принялась изучать меня оценивающим взглядом. Должно быть, она пришла к заключению, что я безопасна, несмотря на странное появление, потому что улыбнулась – приятной улыбкой, хотя в ней и не хватало нескольких зубов. Протянула мне руку.

– Очень приятно, Клэр. Добро пожаловать. Пойдемте, и мы найдем для вас что-нибудь более... ммм...

Она посмотрела на мое короткое платье и чудные туфли и покачала головой.

Она уже повела меня твердой рукой, когда я вспомнила о своем пациенте.

– Подождите, пожалуйста! Я забыла про Джейми.

Миссис Фицгиббонс удивилась:

– Что вы, Джейми сам о себе позаботится. Он знает, где найти еду, кто-нибудь приготовит ему постель.

– Но он ранен. Сначала пулей, а ночью еще и штыком. Я перевязала рану наспех, чтобы он мог ехать верхом, но у меня не было возможности промыть ее как следует и перевязать по-человечески. Я должна сделать это сейчас, пока в

раны не попала инфекция.

– Инфекция?

– Ну да, воспаление, понимаете? Гной, покраснение и лихорадка.

– А, вот оно что, теперь ясно. Вы хотите сказать, что умеете все это? Значит, вы знахарка? Как Битон?

– Нечто вроде того.

Я понятия не имела, кто такой Битон, но у меня не было желания обсуждать с кем-то свою медицинскую квалификацию, стоя на сыром и холодном дворе. Миссис Фицгиббонс, очевидно, была женщиной сообразительной, потому что подозвала Джейми, который уже плелся в противоположном направлении, взяла его за руку и повела нас обоих в замок.

После долгой прогулки по тесным холодным коридорам, слабо освещенным светом из узких окон, мы пришли в большую красиво обставленную комнату, где стояли кровать и несколько стульев и где – слава богу – горел камин.

Я на время забыла о своем подопечном и пошла греть руки. Миссис Фицгиббонс, явно нечувствительная к холоду, усадила Джейми на стул у огня и осторожно сняла с него остатки изорванной рубашки, заменив их теплым пледом с кровати. Она раскудаhtалась над его плечом, посиневшим и распухшим, и потрогала мою нелепую перевязку.

Я отвернулась от огня.

– Я думаю, повязку надо отмочить и снять, а рану промыть раствором... таким раствором, который предотвратит

лихорадку.

Из миссис Фицгиббонс вышла бы прекрасная сестра.

– Что вам понадобится? – спросила она просто.

Я призадумалась. Чем пользовались люди для обеззараживания, когда не было антибиотиков? Особенно в простецком шотландском замке чуть ли не на рассвете!

– Чеснок! – радостно воскликнула я. – Чеснок и еще волшебный орех ⁶, если он у вас есть. Понадобятся чистые полотно ткани и котелок, чтобы вскипятить воду.

– Хорошо, хорошо, с этим мы справимся. А не стоит ли заварить укрепляющий чай из ромашки? Мальчик выглядит так, словно ночь выдалась трудной.

Молодой человек и в самом деле шатался от слабости, настолько измученный, что даже не протестовал, когда мы обсуждали его, словно какой-то предмет.

Миссис Фицгиббонс быстро вернулась, неся в подоле фартука головки чеснока, матерчатые мешочки с сухими травами и разорванное на длинные полосы старое полотно. На той же пухлой руке, которой она поддерживала край фартука, висел небольшой черный котелок, а в другой она держала большую бутылку с водой.

– Скажите мне, милая моя, чем еще я могу помочь? – бодро спросила миссис Фицгиббонс.

⁶ Волшебный орех (гамамелис виргинский) – кустарник с желтыми цветами; плоды настаивают на спирту и настойку используют как антисептическое и вяжущее средство.

Я попросила ее поставить котелок с водой на огонь и почистить чеснок, а сама обследовала содержимое мешочков с травами. Я нашла и волшебный орех, и другие нужные для чая травы, а также нечто, по вкусу напоминавшее вишневую кору.

– Обезболивающее, – радостно бормотала я, припоминая бесценные теперь рассказы мистера Крука о травах.

Я опустила в кипящую воду очищенный чеснок и волшебный орех, а также несколько лоскутов. Укрепляющий чай настаивался в маленькой кастрюльке возле огня. Все эти приготовления немного успокоили меня. Я все еще не знала точно, где и почему нахожусь, но знала хотя бы, чем буду заниматься в ближайшие четверть часа.

– Благодарю вас, миссис Фицгиббонс, – сказала я как можно уважительнее. – Теперь я справлюсь сама, если у вас есть другие дела.

Грудь великанши заколыхалась от смеха.

– Девочка моя, дел у меня по горло! Я пошлю вам сюда похлебки. Если что понадобится, зовите.

Она покатилась к выходу с неожиданным проворством и скрылась за дверью.

Я снимала повязку как можно осторожнее. Накладка из вискозы прилипла к ране и отставала с легким хрустящим звуком из-за подсохшей крови. Капли свежей крови медленно проступали по краям раны, и я попросила у Джейми прощения за то, что причиняю ему боль, хотя он не пошевелил-

нулся и не издал ни звука.

Он слегка улыбнулся – даже не без кокетства, игриво.

– Не волнуйтесь, барышня. Мне причиняли боль посильнее, и делали это люди куда менее красивые.

Он наклонился вперед, чтобы мне удобнее было обмывать рану отваром чеснока, плед соскользнул с его плеч.

Тут я воочию убедилась, что его слова были правдой: ему причиняли невероятную боль. Верхнюю часть спины сплошь испещряли пересекающиеся побелевшие рубцы. Его жестоко пороли, и не один раз. В тех местах, где рубцы пересекались, образовалась серебристая келоидная ткань, а там, где кнут попадал дважды в одно и то же место, виднелись пятна и даже углубления в коже.

Я, разумеется, повидала на своем веку всякое, работая военной медсестрой, но в рубцах, увиденных сейчас, было нечто особенно жестокое. Мое дыхание, как видно, выдало волнение, потому что Джейми обернулся и перехватил мой ошеломленный взгляд. Он пожал здоровым плечом.

– Красные мундиры. Выпороли меня дважды за одну неделю. Они сделали бы это дважды и в один день, но побоялись, что я умру. А что за радость пороть мертвого?

Продолжая промывать рану, я заговорила как можно ровнее:

– Не поверила бы, что существуют люди, которые делают подобные вещи с радостью.

– Да ну? А ведь вы его видели.

– Кого?

– Капитана красных мундиров, который исполосовал мне спину. Если он и не радовался в нормальном смысле, то уж точно был очень собой доволен. Куда больше, чем я, – добавил он с кривой усмешкой. – Его имя Рэндолл.

– Рэндолл!

Я не могла скрыть потрясения.

Холодные голубые глаза пристально изучали меня.

– Вы с ним знакомы?

В голосе Джейми звучало подозрение.

– Нет-нет! Очень давно я знала семью с такой фамилией. Давным-давно. – Разнервничавшись, я уронила тряпку, которой очищала рану. – Вот досада, придется ее снова кипятить!

Я подняла тряпку с пола и поспешила к камину, пытаюсь за деловитостью скрыть смущение. Неужели именно этот капитан Рэндолл и есть предок Фрэнка с безупречным послужным списком, любимчик герцогов и прочей знати, любезный и вежливый даже во время сражений? Мог ли родственник моего нежного и доброго Фрэнка в любом колене нанести столь ужасающие увечья?

Я хлопотала у огня, добавляя в воду чеснок и волшебный орех, окуная в настой тряпки и изо всех сил стараясь овладеть собой. Решив, что уже могу держать под контролем голос и выражение лица, я вернулась к Джейми.

– За что вас пороли? – спросила я.

Вряд ли это прозвучало тактично, однако мне необходимо было знать, а сформулировать вопрос деликатнее мешала усталость.

Он вздохнул и беспокойно повел плечом, которым я занималась. Он тоже очень устал, и я, без сомнения, делала ему больно.

– В первый раз за побег, а во второй за воровство – так они написали в списке арестованных, где перечисляют преступления.

– А откуда вы бежали?

– От англичан, – ответил он, с насмешливой улыбкой приподняв бровь. – Может, вы слышали про Форт-Уильям?

– Слышала, что он принадлежал англичанам, – в тон ему ответила я. – Чем же вы занимались в Форт-Уильяме?

Джейми свободной рукой потер лоб.

– Мне кажется, это была обструкция, так оно называется.

– Обструкция, побег, кража. Да вы и в самом деле опасный преступник! – произнесла я беззаботно, чтобы немного отвлечь его от моих манипуляций.

Это подействовало – уголок широкого рта приподнялся, и голубой глаз сверкнул на меня через плечо.

– Конечно, опасный, – сказал он. – Дивлюсь, как это вы, английская барышня, не боитесь оставаться наедине со мной.

– Ну, пока вы выглядите достаточно мирно.

Это была неправда: даже такой, без рубашки, весь в руб-

цах, измазанный кровью, с покрасневшими глазами и ввалившимися щеками после бессонной ночи, он производил грозное впечатление. Хоть и усталый, он, конечно, нашел бы в себе силы в случае необходимости перейти в нападение.

Он рассмеялся – на удивление веселым, заразительным смехом.

– Мирный, как голубок, – согласился он. – Я слишком голоден, чтобы угрожать чему-нибудь, кроме завтрака. Если бы поблизости бродила заблудшая лепешка, я не стал бы за себя ручаться... Ой!

– Простите, – пробормотала я. – Рваная рана, глубокая и очень грязная.

– Ничего страшного, – успокоил он меня, но даже сквозь отросшую рыжеватую щетину я заметила, что он побледнел.

Я решила продолжить разговор.

– Что такое обструкция? – спросила я. – Мне кажется, что это что-то мелкое.

Он глубоко вздохнул и сосредоточенно посмотрел на резной кроватный столбик – я как раз полезла глубже в рану.

– Ну, думаю, что у англичан это расхожая формулировка, – заговорил Джейми. – В случае со мной оно означало защиту семьи и собственности, и во время этой защиты меня чуть не убили.

Он прикусил нижнюю губу, словно не хотел больше заговаривать об этом, но потом продолжил, по-видимому, отвлекаясь таким образом от своего плеча:

– Это было года четыре назад. На поместья вблизи Форт-Уильяма наложили оброк – продовольствие для гарнизона, лошади и так далее. Нельзя сказать, что это кому-то пришлось по душе, но большинство уступили. Небольшие отряды в сопровождении офицера разъезжали по округе с телегой или двумя, собирали еду и вещи. И вот в октябре капитан Рэндолл явился в Л... – Джейми вдруг запнулся, быстро поглядел на меня и закончил: – В наш дом.

Я кивнула и сосредоточилась на работе.

– Мы не думали, что они поедут в такую даль. До форта расстояние большое, дорога непростая. Но они доехали. – Джейми прикрыл глаза. – Моего отца не было дома, он уехал на похороны в соседнее поместье. А я был в поле вместе с другими мужчинами, потому что приближалась жатва, дел полно. Моя сестра хозяйничала в доме одна, не считая двух или трех помощниц, и они все убежали наверх и попрятались, когда увидели красные мундиры. Они думали, что солдат прислал дьявол, и, говоря по правде, не так уж они ошибались.

Я отложила тряпку, которой обрабатывала рану. Самая неприятная часть работы завершена; осталось только наложить припарку – без йода и пенициллина, это было лучшее, что я могла сделать, – и хорошенько перевязать рану. Паренек не открывал глаз и, по-видимому, ничего не замечал.

– А я как раз вернулся к дому, – продолжал Джейми, – потому что мне надо было забрать из амбара часть упряжи.

Услышал шум, услышал, что моя сестра кричит в доме.

– Ну?

Я постаралась произнести слово как можно спокойнее и осторожнее, но мне ужасно хотелось узнать больше о капитане Рэндолле. Пока что история Джейми не расходилась с моим первым впечатлением от него.

– Я вошел в дом через кухню и увидел, что двое шарят в кладовой и набивают ранцы мукой и беконом. Одного я ударил кулаком по голове, второго выкинул в окно вместе с ранцем и прочей амуницией. Потом я кинулся в гостиную и нашел там свою сестру Дженни и двух солдат. У Дженни было разорвано платье, у одного из солдат расцарапано лицо. – Он открыл глаза и улыбнулся невеселой улыбкой. – Я не стал задавать вопросов. Началась драка, и я вмазал бы как надо им обоим, но тут вошел капитан Рэндолл. Он остановил нас самым действенным способом – приставил к голове Дженни пистолет...

Вынужденный капитулировать, Джейми был немедленно связан солдатами. Капитан Рэндолл улыбнулся своему пленнику и сказал: «Так-так. У нас тут две злые кошки, которые царапаются. Надеюсь, тяжелая работа поможет исправить характер, а если не поможет, придется познакомить вас еще с одной кошкой, ее еще называют девятихвосткой. Но для иных кисок имеются у нас и другие лекарства. Что ты на это скажешь, славная кошечка?»

Джейми прервал свой рассказ и тяжело задвигал желвака-

ми.

– Он заломил Дженни руку за спину и держал ее так, – продолжил Джейми через несколько секунд. – Но тут он отпустил ее, чтобы схватить за грудь.

При воспоминании об этой сцене Джейми неожиданно усмехнулся.

– Дженни изо всех сил наступила ему на ногу, а локтем двинула прямо в живот. Он скрючился. Она извернулась и ударила его коленом в пах. – Джейми фыркнул от смеха. – Он выронил пистолет, и Дженни потянулась за ним, но один из драгун, которые держали меня, опередил ее...

Я закончила перевязку и молча стояла возле него, положив руку на здоровое плечо. Мне было нужно, чтобы он рассказал все, но я боялась, что он перестанет говорить, если вспомнит о моем присутствии.

– Когда Рэндолл пришел в себя, он приказал мундирам вывести нас обоих во двор. С меня стянули рубашку, привязали к телеге, и Рэндолл начал плашмя бить меня саблей по спине. Он разозлился, но владел собой. Бил он меня больно, но недолго. Это было не самое плохое.

Оттенок злой радости в голосе Джейми исчез, и мышцы плеча у меня под рукой напряглись.

– Он перестал бить меня и повернулся к Дженни, которую держал драгун. Он спросил, хочет ли она посмотреть еще или предпочтет зайти с ним в дом и принять его поласковее.

Плечо резко дернулось.

– Я не мог пошевелинуться, но крикнул, что мне не больно – мне действительно было не очень больно, – и чтобы она не вздумала идти, даже если мне перережут горло у нее на глазах. Она стояла позади меня, я ничего не видел, но по звуку догадался, что она вlepила ему пощечину. Следом Рэндолл схватил меня за волосы, запрокинул мне голову и приставил нож к горлу. «Я, пожалуй, последую твоей рекомендации», – прошипел он сквозь зубы и прижал лезвие к коже так, что капли крови западали в пыль под телегой...

Голос у него сделался какой-то сонный, и я подумала, что от боли и усталости он впал в подобие транса и забыл о том, что я рядом.

– Я хотел крикнуть сестре, что предпочту смерть ее бесчестью, но Рэндолл убрал кинжал с моего горла и вставил его мне между зубами. Я ничего не мог сказать.

Джейми вытер губы, словно почувствовал на них металлический привкус. Он умолк, глядя куда-то перед собой.

– А что произошло потом?

Наверное, не следовало спрашивать, но я не удержалась.

– Она пошла с ним, – отрывисто произнес он. – Она боялась, что он убьет меня, и, наверное, была права. Что случилось дальше, я тогда не узнал. Драгун ударил меня по голове прикладом мушкета. Я очнулся в телеге, связанный, окруженный курицами, меня везли в Форт-Уильям.

– Понимаю, – как можно мягче сказала я. – Простите. Наверно, это было просто чудовищно.

Он вдруг улыбнулся, и изможденность исчезла с его лица.

– О да, курицы не слишком приятная компания, особенно если дорога долгая.

Он понял, что перевязка закончена, и осторожно повел плечом, но тотчас поморщился от боли.

– Не делайте этого! – тревожно вскрикнула я. – Вам нельзя двигать плечом. Ни в коем разе.

Я окинула взглядом стол, чтобы проверить, остались ли там подходящие куски ткани.

– Сейчас прибинтую вам поврежденную руку к боку. Посидите спокойно.

Он не ответил, но заметно расслабился, когда понял, что больно не будет. У меня возникло странное ощущение близости, как будто я давно знала этого молодого шотландца. Причина, как я думала, была отчасти в личной истории, которую он мне рассказал, а частично в том, что мы долго ехали вместе, прижавшись друг к другу, в молчании, сквозь ночь. Кроме своего мужа я знала мало мужчин, но заметила, что перед близостью непременно возникало именно такое ощущение близости, словно твои смутные мысли смешиваются с его и накрывают обоих неким покрывалом безмолвного согласия. Атавизм, возврат к прошлому, должно быть. В старые, простые времена – подобные этому? – спать в присутствии другого человека считалось свидетельством высшего доверия. Если доверие было взаимным, то сон бок о бок сближал больше, чем секс.

Закончив бинтовать, я помогла Джейми натянуть рубашку из грубого льняного полотна. Он встал, заправил свободной рукой рубашку в килт и улыбнулся мне.

– Благодарю вас, Клэр. У вас легкая рука.

Мне показалось, что он хотел коснуться моего лица, но передумал и опустил поднятую руку. Кажется, он переживал то же ощущение близости, что и я. Поспешно отведя глаза, я небрежно махнула рукой: пустяки!

Только теперь я рассмотрела комнату и обратила внимание на потемневший от копоти камин, узкие незастекленные окна, тяжелую дубовую мебель. Электрических проводов нет. Полы голые.

Все это и впрямь выглядело как замок восемнадцатого века. Но как же Фрэнк? Человек в лесу походил на него внешне, но, судя по рассказу Джейми о капитане Рэндолле, у него не было ничего общего с моим ласковым, спокойным мужем. Если все происходящее реально – а я постепенно начинала это признавать, – он и в самом деле некто совершенно иной. От того, кого я знала только по генеалогическим хартиям, потомки могли и не унаследовать черт характера.

Но в первую очередь меня беспокоил Фрэнк. Если я нахожусь в восемнадцатом столетии, то где же он? Я не вернулась к миссис Бэйрд – что он будет делать? Увижу ли я его снова? Мысль о Фрэнке оказалась последней каплей. С того момента, как я попала в каменный круг, моя обычная жизнь кончилась – на меня нападали, мне угрожали, меня похити-

ли. Я не ела и не спала больше суток... Я старалась держать себя в руках, но нижняя губа задрожала и на глаза выступили слезы.

Я отвернулась к огню, чтобы спрятать лицо, но поздно. Джейми взял меня за руку и ласково спросил, что произошло. Отблеск огня сверкнул на моем обручальном кольце, и я разревелась.

– О, я... я... сейчас все будет в порядке... просто... мой муж... я не...

– Ах, так вы овдовели!

В его голосе было столько искреннего сочувствия, что я окончательно потеряла контроль над своими эмоциями.

– Нет... да... то есть я не... да, так и есть!

Опустошенная переживаниями и усталостью, я буквально повалилась на Джейми, истерически всхлипывая.

У него оказалась нежная душа. Он не стал звать на помощь, не отстранился от меня в смущении... Он усадил меня к себе на колени и начал укачивать, обхватив здоровой рукой и шепча на гэльском что-то утешительное мне на ухо. Я горько рыдала, охваченная страхом и стыдом, но постепенно стала успокаиваться на широкой и теплой груди мужчины, который гладил меня по голове и по спине. Слезы кончились, я в изнеможении опустила голову Джейми на плечо. Где-то на краю сознания у меня проскользнула мысль о том, что его не случайно так любят лошади. Будь я лошадью, увезла бы его хоть на край света.

Эта нелепая мысль совпала некстати с внезапным осознанием факта, что молодой человек не так изможден, как можно было подумать. Собственно говоря, это событие, становясь все более очевидным, смутило нас обоих. Я откашлялась, вытерла слезы рукавом и слезла с колен утешителя.

– Простите... то есть я хотела сказать спасибо... но я... – бессвязно бормотала я, отвернувшись от него с пылающим лицом.

Джейми немного покраснел, но не потерял уверенности в себе. Он снова притянул меня к себе за руку, приподнял мой подбородок так, чтобы видеть лицо, и сказал:

– Вам не нужно меня бояться. И вообще никого здесь, пока я рядом.

Он отпустил меня и повернулся к камину.

– Вам бы чего-нибудь теплого, девушка, – уверенно и твердо проговорил он. – Нужно немного перекусить, от еды сразу станет лучше.

Меня развеселили его попытки налить похлебку одной рукой, и я пришла ему на помощь. Он оказался прав: еда помогла. Мы ели похлебку и жевали хлеб в дружественном молчании, разделяя удовольствие от тепла и сытости.

Наконец Джейми встал, поднял с пола упавший плед и положил его на кровать. Подтолкнул меня.

– Поспи немного, Клэр. Ты устала, а скоро с тобой, вероятнее всего, кто-нибудь захочет поговорить.

То было неприятное напоминание о моем неоднозначном

статусе, но я слишком устала, чтобы думать об этом. Для проформы я пролепетала какие-то возражения, но сейчас для меня не было в мире ничего более соблазнительного. Джейми заверил меня, что найдет себе спальное место где-нибудь еще. Я опустила голову на грудь пледов и отключилась прежде, чем Джейми дошел до двери.

Глава 5

Маккензи

Я проснулась в состоянии полной растерянности. Смутно припоминая, что произошло нечто невероятное, я не могла восстановить подробности. Я спала очень крепко и, очнувшись, некоторое время не осознавала ни кто я, ни тем более где нахожусь. Мне самой было тепло, но в комнате стоял пронизывающий холод. Я попыталась глубже зарыться в кокон из пледов, но голос, который разбудил меня, не умолкал:

– Просыпайтесь, барышня! Просыпайтесь, пора вставать!

Голос был низкий и добродушно-ворчливый, чем-то напоминающий лай пастушьих собак.

С величайшим трудом я продрала глаза и увидела гору, облаченную в коричневое домотканое платье. Миссис Фицгиббонс! Ее явление тотчас привело меня в чувство, и память вернулась ко мне. Значит, все это реально.

Завернувшись в покрывало, я нерешительно выбралась из постели и направилась к очагу. Меня ожидала чашка горячего бульона, которую принесла миссис Фицгиббонс; я проглотила ее и почувствовала себя человеком, выжившим после продолжительной бомбардировки. Миссис Фицгиббонс тем временем разложила на постели полное обмундирование: длинную светло-желтую сорочку, отделанную по краю узкой полоской кружева, нижнюю юбку из тонкой хлопча-

тобумажной материи, две верхние юбки коричневого цвета и лимонно-желтый корсаж. Шерстяные чулки в коричневую полоску и пара желтых туфель завершили ансамбль.

Не принимая возражений, домоправительница заставила меня снять мое не подходящее случаю одеяние и наблюдала за тем, как я облачаюсь в новый наряд. Слегка отступив назад, она полюбовалась результатом.

– Желтый цвет вам идет, милая, как я и предполагала. Подходит к каштановым волосам и оттеняет золото в глазах. Погодите, нужна еще лента.

Сунув руку в глубокий, словно сумка, карман, она извлекла из него ворох лент и какие-то украшения.

Оглушенная происходящим, я позволила ей причесать меня и стянуть лентой волосы назад. Лента оказалась бледно-желтая; завязывая ее, миссис Фицгиббонс ворчала по поводу того, как неженственно носить волосы до плеч.

– Господи помилуй, дорогая, как это вас угораздило так коротко остричься? Вам пришлось скрываться, да? Я слышала, иные девушки так поступают, чтобы поменять на время путешествия свой пол и уберечься от проклятых красномундирников. Вот уж времечко, говорю я, если леди не могут чувствовать себя в безопасности в пути.

Она крутилась вокруг меня, осматривала со всех сторон – поправляла выбившиеся прядки и одергивала складки. Наконец, осталась удовлетворена моим видом.

– Так, теперь все в порядке. Можете перекусить, и я отведу

вас к самому.

– К самому? – спросила я, оставшись равнодушной к тому, какое имя стоит за этим словом.

Кем бы ни был этот «сам», он, конечно, будет задавать мне неприятные вопросы.

– Ну да, к Маккензи. К кому же еще?

В самом деле, к кому же еще? Замок Леох, как я смутно помнила, находился в самой середине земель клана Маккензи. Очевидно, главным таном – вождем клана – является один из членов семьи. Я начала понимать, почему наш отряд всю ночь провел в пути, чтобы добраться до замка: здесь самое безопасное место для тех, кого преследует корона. Ни один английский офицер, у которого есть хоть немного мозгов, не завел бы своих людей так глубоко во владения клана. Поступить подобным образом – значило напороться на засаду в первой же рощице. А у ворот замка решилось бы появиться только хорошо вооруженное войско. Я пыталась вспомнить, заходила ли когда-нибудь английская армия так далеко, но тут поняла, что судьба и значимость замка – куда менее важный повод для размышлений, нежели мое ближайшее будущее.

Мне не хотелось ни лепешек, ни овсянки, которые принесла миссис Фицгиббонс на завтрак, но я отломилла кусочек лепешки и сделала вид, что жую, – стоило выиграть немного времени для размышлений. Когда миссис Фицгиббонс вернулась, чтобы вести меня к Маккензи, я выработала пример-

ную линию поведения.

Лэрд принял меня в комнате, расположившейся на самом верху каменной лестницы в один пролет. Комната находилась в башне и потому имела круглую форму, покатые стены были украшены картинами и гобеленами. Другие комнаты в замке показались мне практичными, но пустоватыми, а эта была полна предметов роскоши, заставлена резной мебелью и тепло освещена огнем камина и свечей – как бы в противовес непогоде снаружи. Во внешних стенах замка были пробиты узкие окна наподобие бойниц, здесь же окна выглядели иначе: были более современными, высокими, двустворчатыми и хорошо пропускали дневной свет.

Едва я вошла, мое внимание привлекла крупная металлическая клетка, хитроумно сплетенная таким образом, чтобы занимать пространство от пола до потолка; клетка полна была множеством маленьких птичек – зябликов, овсянок, синиц и других певчих. Я подошла ближе, и передо мной замелькали пушистые тельца, блестящие глазки-бисеринки напоминали драгоценные камни, рассыпанные по зеленому бархату листьев дуба, вяза и каштана – эти деревья были заботливо высажены в горшки с мульчированной почвой. Веселый щебет пташек сопровождался трепетом крыльев и шорохом листьев, когда обитатели клетки порхали с одного дерева на другое.

– Занятные маленькие создания, не правда ли? – раздался позади меня глубокий, приятный голос, и я обернулась с

застывшей улыбкой.

Колум Маккензи сложением и высоким лбом напоминал своего брата Дугала, однако кипучая энергия, которая делала Дугала грозным, у Колума имела более открытый и приветливый тон. Смуглее брата, с серыми глазами, а не карими, Колум лучился такой силой, что можно было почувствовать себя неуютно, если он подходил слишком близко. Но сейчас я ощутила дискомфорт из-за того, что прекрасно вылепленная голова и длинный торс у этого мужчины сочетались с нелогично кривыми и короткими ногами. Он мог быть не меньше шести футов в высоту, но вместо этого едва доставал головой мне до плеча.

Колум разглядывал птичек, галантно предоставив мне время – весьма необходимое! – чтобы овладеть собой. Он, разумеется, уже привык к реакции людей, которые видят его впервые. Продолжая осматривать комнату, я задалась вопросом, часто ли Колуму приходится встречаться с новыми людьми. Комната, где я оказалась, несомненно была убежищем, сконструированным мирком человека, для которого внешний мир потерял привлекательность – или стал недоступен.

– Приветствую вас, мистрес, – проговорил он с легким поклоном. – Перед вами Колум бан Кэмпбелл Маккензи, лэрд этого замка. Я понял со слов моего брата, что ему случилось... э-э... повстречать вас на пути сюда.

– Он похитил меня, если хотите знать, – сказала я. Без-

условно, я предпочла бы, чтобы разговор носил доброжелательный характер, однако еще больше мне хотелось убраться из замка и вернуться туда, где на холме стояли кругом каменные столбы. Что бы со мной ни произошло, разгадка, если она есть, осталась там.

Брови лэрда слегка приподнялись, и улыбка тронула его красиво очерченные губы.

– Возможно, – согласился он. – Дугал порой бывает немного... импульсивен.

– Хорошо. – Я снисходительно махнула рукой, готовая к компромиссу. – Готова признать, что имело место недоразумение. Но я хотела бы настоять, чтобы меня возвратили... туда, откуда увезли.

– Мм...

Не опуская брови, Колум жестом предложил мне сесть.

Я неохотно подчинилась, и он кивнул одному из слуг, который тотчас исчез за дверью.

– Я послал за чем-нибудь освежающим, миссис... Бошан, если не ошибаюсь? Как я понял, мой брат и его люди нашли вас в затруднительном положении.

Мне почудилось, что он прячет усмешку, и я представила себе рассказы о моем неподобающем одеянии.

Я глубоко вздохнула. Пора было приступить к объяснениям. Обдумывая свой рассказ, я припомнила, что говорил мне Фрэнк о подготовке офицеров к допросу в плену – их обучали этому на специальных курсах. Самое главное заключа-

лось – держаться по возможности ближе к правде, изменяя лишь детали, которые нельзя выдать. Это снижает шанс попасться на какой-нибудь ерунде. Ну что ж, посмотрим, насколько это работает.

– Да, вы правы. На меня напали.

Он кивнул, лицо оживилось.

– Вот как? Кто же на вас напал? Говорите правду.

– Английские солдаты. Человек по имени Рэндолл.

При звуке этого имени тонкие черты исказились – на нем по-прежнему отражалась заинтересованность, однако линия рта сделалась жестче, а морщины вокруг обозначились резче. Имя ему явно было знакомо. Глава клана Маккензи слегка откинулся назад, составил пальцы обеих рук «домиком» и посмотрел на меня.

– Вот как, – произнес он. – Расскажите об этом подробнее.

Ну что ж, я могла ему кое-что рассказать. Изложила основные подробности стычки между шотландцами и людьми Рэндолла – он легко мог справиться об этом у Дугала. Не скрыла я и содержание моего разговора с капитаном Рэндоллом – мне ведь было неизвестно, сколько успел услышать Мурта.

Колум кивнул, жадно слушая.

– Так, – сказал он. – Но как вы оказались в том месте? Это далеко от дороги на Инвернесс, где вы, как я полагаю, собирались сесть на корабль.

Я кивнула и набрала в грудь больше воздуха. Мы вступали

в область чистого вымысла. Хотелось бы мне, чтобы я в свое время внимательнее прислушивалась к рассказам Фрэнка о разбойниках прошлого, но теперь уж ничего не попишешь. Я назвала себя вдовствующей леди из Оксфордшира (что в нынешних обстоятельствах было недалеко от истины). Путешествовала со своим слугой и направлялась к дальним родственникам во Францию (это от истины было уже далеко). На нас напали грабители, и мой слуга то ли был убит, то ли попросту сбежал. На своей лошади мне удалось ускакать в лес, но меня схватили почти сразу. Пытаясь убежать от бандитов, я вынуждена была оставить и лошадь, и все имущество. Мне удалось скрыться, но, бродя по лесу, наткнулась на капитана Рэндолла.

Я откинулась в кресле, довольная легендой: все просто, ясно и правдиво и совпадает с теми деталями, которые можно проверить. Лицо Колума не выражало теперь ничего, кроме вежливого внимания. Он открыл было рот, чтобы задать мне какой-то вопрос, но в это время у двери раздался шорох. Появился один из тех мужчин, которого я видела во дворе, когда мы только приехали в замок; он держал в руках небольшой кожаный футляр.

Вождь Маккензи извинился и оставил меня созерцать птичек, заверив, что очень скоро вернется, чтобы продолжить наш в высшей степени увлекательный разговор.

Едва дверь за ним затворилась, я кинулась к книжному шкафу и начала быстро просматривать кожаные переплеты.

В шкафу было более двадцати книг. Я открывала титульные листы. На некоторых не обозначили год издания, на других же стояли даты от 1720 до 1742. Колум Маккензи, безусловно, любил роскошь, но никакие другие вещи в комнате не свидетельствовали о том, что он коллекционирует антиквариат. Да и переплеты книг выглядели новыми, без трещин, а на бумаге не было пятен. Не испытывая никаких угрызений совести, я обшарила письменный стол оливкового дерева, прислушиваясь к шагам за дверью.

В среднем ящике я нашла то, что искала: незаконченное письмо, написанное беглым почерком и для меня почти нечитаемое из-за необычной орфографии и полного отсутствия знаков препинания. Бумага была новая и чистая, чернила четкие и яркие. И хоть само письмо разобрать я не могла, дата в углу страницы огнем вспыхнула у меня перед глазами: 20 апреля 1743.

Колум вернулся через несколько минут и застал гостью сидящей у окна с чинно сложенными на коленях руками. Сидящей – потому что колени подгибались. Со сложенными руками – чтобы скрыть дрожь, из-за которой я еле успела сунуть письмо на место.

Он принес с собой поднос с угощением – кружку эля и овсяные лепешки с медом. Я пыталась есть лишь для виду, желудок свело, и я ничего не могла в себя впихнуть.

Еще раз извинившись за отсутствие, Колум выразил сочувствие по поводу моей беды. Затем выпрямился и, испы-

тующе посмотрев на меня, спросил:

– Как так случилось, мистрес Бошан, что люди моего брата обнаружили вас бродящей по лесу в нижнем белье? Разбойники, если они рассчитывали на выкуп, не стали бы дурно обращаться с вами. Что касается капитана Рэндолла, то я, хотя слышал о нем разное, все же не склонен думать, что офицер английской армии способен на насилие по отношению к попавшей в беду леди-путешественнице.

– Неужели? – огрызнулась я. – Не знаю, что вы о нем слышали, но на это он как раз способен.

Сочиняя свою историю, я как-то упустила из виду одежду; кроме того, я не знала, когда Мурта начал следить за мной и капитаном Рэндоллом.

– Понятно, – сказал Колум. – Полагаю, может быть и такое. По правде говоря, репутация у него дурная.

– Полагаете? – переспросила я, потому что на лице у вождя клана Маккензи отражалось определенное недоверие. – Как? Вы не верите моим словам?

– Я не говорил, что не верю вам, – ответил он спокойно. – Но я не остался бы вождем клана на протяжении двух десятков лет, если бы принимал на веру все, что мне рассказывают.

– Хорошо, но если вы не верите, что я та, за кого себя выдаю, то кто же я, по-вашему, черт побери?

Он заморгал, потрясенный моей горячностью, но черты его лица тут же вернулись к обычной твердости.

– А вот об этом, – сказал он, – следует поразмыслить. Пока же, мистрес, почувствуйте себя в Леохе как дома.

Он поднял руку, изящным жестом давая понять, что аудиенция окончена, и застывший в дверях слуга сделал шаг вперед, собираясь проводить меня в мою комнату.

Колум не произнес слов, которые висели в воздухе. Когда я уходила, они звучали у меня в ушах, как если бы я услышала: «До тех пор, пока я не узнаю, кто вы такая на самом деле».

Часть вторая

Замок Леох

Глава 6

Приемная Колума

Маленький мальчик, которого миссис Фицгиббонс именовала «юным Алеком», пришел, чтобы передать мне приглашение на ужин. В длинном, узком зале вдоль стен стояли столы, вокруг которых непрерывно сновали слуги, выныривая из двух сводчатых проходов по обоим концам зала с подносами, тарелками и кувшинами в руках. Лучи заходящего солнца проходили сквозь высокие окна-бойницы; в канделябры по стенам вставили факелы – их, очевидно, зажгут с темнотой.

Знамена и тартаны ⁷ висели по стенам между окон, яркими пятнами выделяясь на фоне серого камня. Словно намеренно усиливая контраст, люди, собравшиеся на ужин, были в одежде серого и коричневого оттенков либо в охотничьих килтах светло-коричневых и зеленых тонов, которые сливались с вереском.

⁷ Тартаны – шерстяные пледы геральдических цветов клана.

Я чувствовала любопытные взгляды, сверлящие мою спину, пока юный Алек вел меня к хозяйскому столу, но большинство присутствующих вежливо опустили глаза в тарелки. Здесь, как видно, церемонии были не в ходу, люди ели кто как хотел, сами накладывая себе угощения с деревянных блюд, или шли с деревянными тарелками в дальний конец комнаты, где два паренька вращали вертел с бараньей тушей над огнем громадного очага. Ужинающих было не меньше сорока, да еще человек десять слуг. Гул голосов заполнял помещение, разговоры шли на гэльском.

Колум уже восседал в центре зала, коротенькие ноги скрывал резной дубовый стол. Он любезно кивнул мне и указал на место слева от себя, рядом с пухленькой и рыжеволосой женщиной, которую он представил как свою жену. Звали ее Летицией.

– А это мой сын Хэмиш, – добавил он, положив руку на плечо мальчику лет семи или восьми, симпатичному и тоже рыжеволосому, который поднял глаза от своей тарелки лишь для того, чтобы коротко кивнуть мне.

Я посмотрела на мальчика с любопытством. Как и другие Маккензи из тех, кого мне приключилось встретить, он был широколицый, с прямыми скулами и глубоко посаженными глазами. Исключая цвет волос, он казался уменьшенной копией своего дяди Дугала, сидевшего рядом. Две девочки-подростка, занимавшие места по другую сторону от Дугала, были мне представлены как его дочери Маргарет и Эли-

нор; обе они, знакомясь со мной, хихикали и толкали друг друга локтями.

Дугал приветствовал меня сдержанной дружелюбной улыбкой, но перед этим пододвинул ко мне блюдо, к которому уже было потянулась одна из его дочерей.

– Где же манеры, барышня? – проворчал он. – Сначала гостья.

С некоторым опасением я приняла большую роговую ложку. Кто знает, что лежит на блюде... К счастью, я обнаружила, что мне предлагают нечто хорошо знакомое и по виду, и по запаху – копченую сельдь.

Я никогда не ела селедку ложкой, но нигде не было видно ничего похожего на вилку, и я вспомнила, что трехзубые вилки особой формы, кажется, вошли в употребление гораздо позже.

Понаблюдав за едоками вокруг, я поняла, что в тех случаях, когда ложка не годится, они орудуют кинжалами, чтобы отделить кости или разрезать мясо, благо кинжалы всегда под рукой. У меня кинжала не было, так что я решила все-таки попробовать подцепить селедку ложкой, но встретила осуждающий взгляд темно-голубых глаз юного Хэмиша.

– Вы еще не прочитали молитву, – сурово произнес он и нахмурился.

Он явно счел меня бесстыдной грешницей, если не умалишенной.

– Может быть, вы поможете мне с этим? – решила я по-

просить.

Голубые глаза раскрылись от изумления, но после коротких раздумий мальчик кивнул и деловито сложил руки. Он окинул взглядом стол, убедился, что его уважительно слушают, и, склонив голову, произнес:

У которых есть что есть, те подчас не могут есть,
А другие могут есть, да сидят без хлеба.
А у нас здесь есть что есть, да добавок есть чем есть,
Значит, нам благодарить остается небо!.. Аминь!⁸

Подняв глаза над молитвенно сложенными руками, я встретила взглядом с Колумом и улыбкой дала ему понять, что оценила самообладание его отпрыска. Он подавил собственную улыбку и с серьезным лицом кивком поблагодарил Хэмиша:

– Хорошо сказано, мой мальчик. Передай, пожалуйста, хлеб.

Разговоры за столом по большей части ограничивались просьбами передать то или другое блюдо, поскольку сюда пришли, чтобы как следует подкрепиться. У меня аппетит отсутствовал, отчасти из-за сумасшедших обстоятельств, а отчасти из-за того, что селедки мне не хотелось. Но баранина оказалась недурна, а хлеб – свежий, хрустящий – просто

⁸ Эти строки переведены с английского С. Я. Маршаком; они принадлежат перу Роберта Бернса, родившегося в 1759 г. Поскольку действие романа происходит в 1743-м, автором допущен литературный анахронизм.

восхитителен, причем его можно было есть со свежим несоленым маслом.

– Надеюсь, мистеру Мактавишу уже лучше, – обронила я во время краткого перерыва в еде. – Я не вижу его здесь.

– Мактавишу?

Тонкие брови Летиции взлетели вверх над округлившимися голубыми глазами. Я скорее почувствовала, чем увидела, как Дугал поднял голову.

– Молодой Джейми, – бросил он коротко и вернулся к бараньей кости, которую держал в руках.

– Джейми? С ним что-то случилось?

На круглощечком лице Летиции проступила тревога.

– Просто царапина, дорогая, – успокоил ее Колум и обратился к брату: – Но где же он, Дугал?

Мне показалось, что в темных глазах скользнуло подозрение. Дугал пожал плечами, не поднимая глаз от тарелки.

– Я послал его в конюшню помочь старине Алеку с лошадьми. Кажется, это его любимое место, так что все в порядке.

Теперь Дугал поднял наконец голову и посмотрел брату в глаза.

– У тебя были другие планы на его счет?

На лице у Колума отразилось сомнение.

– В конюшню? Понятно. Ты ему так доверяешь?

Дугал медленно вытер рукой губы и потянулся за куском хлеба.

– Решай сам, Колум, если не согласен с моим указанием, – сказал он.

Губы Колума крепко сжались на мгновение, но он ответил:

– Думаю, он там вполне справится. – И вернулся к трапезе. У меня были некоторые сомнения насчет того, насколько конюшня подходит в качестве места работы человеку с огнестрельным ранением, однако я сочла неуместным говорить об этом в нынешнем обществе. Про себя я решила наутро отыскать молодого человека и расспросить его, чтобы убедиться, что с ним все в порядке.

От пудинга я отказалась и извинилась, ссылаясь на усталость, что отнюдь не было притворством. Я была так измотана, что почти пропустила слова Колума мимо ушей:

– Спокойной вам ночи, миссис Бошан, завтра утром я попрошу кого-нибудь привести вас на прием.

Одна из служанок, заметив, что я ощупью пробираюсь по коридору, сжалась надо мной и проводила со свечой до самой моей комнаты. Этой свечой она зажгла одну из тех, что стояли у меня на столе, и мягкий свет бросил отблески на каменные стены, отчего мне на мгновение почудилось, будто я в склепе. Едва служанка ушла, я отодвинула с окна вышитую занавеску, и неприятное ощущение исчезло, словно его сдул свежий ветерок, ворвавшийся в комнату. Я попыталась обдумать события дня, но разум отказывался воспринимать что бы то ни было – так мне хотелось спать. Я юркнула под

плед, загасила свечу и заснула, глядя на восходящую луну.

Наутро меня снова разбудила дородная миссис Фицгиббонс, которая принесла с собой полный набор косметики шотландской леди. Свинцовые гребенки – чтобы накрасить потемнее брови и ресницы, горшочки с порошком фиалкового корня и рисовой пудрой, какую-то палочку – я догадалась, что это тени для век, хоть никогда и не видела раньше подобных вещей, и наконец, маленькую фарфоровую чашечку французских румян с изображением золотых лебедей.

Миссис Фицгиббонс сменила домотканое платье, в котором была накануне, на зеленое полосатое одеяние с шелковым корсажем; чулки на ней были желтые фильдекосовые. Следовательно, пресловутый прием был чем-то важным. Я хотела было настоять, что отправлюсь туда только в собственном платье, просто из упрямства, но вспомнила, какие взгляды на меня бросал жирный Руперт, и отказалась от этой затеи.

К тому же мне был симпатичен Колум, несмотря на то что он собирался удерживать меня в замке. Что касается последнего, то мы еще посмотрим, решила я, пока тщательно накладывала румяна. Дугал сказал, что молодой человек, которого я лечила, работает в конюшне. А в конюшне, как известно, есть лошади, а на лошади можно ускакать. Я твердо вознамерилась повидаться с Джейми, как только закончится «прием».

Зал для приемов оказался тем же залом, где вчера ужинали, но несколько видоизмененным: столы и скамейки отодвинули к стенам, главный стол убрали и заменили массивным гнутым креслом темного дерева, накрытым пледом, который я сочла тартаном клана Маккензи: в нем сочетались темно-зеленый и черный цвета, пересеченные тонкими линиями – красными и белыми. Ветки падуба украшали стены, на каменных плитах пола разбросаны стебли камыша.

Совсем молодой волынщик стоял позади массивного кресла и играл на этом странном инструменте, извлекая из него вздохи и хрипы. Там же собрались те, кого я сочла самыми близкими слугами Колума: узколицый мужчина в клетчатых штанах и закопченной рубашке – он расположился возле стены; маленький лысый человек в кафтане из тонкой парчи – скорее всего что-то вроде писаря, поскольку он сидел за столиком, на котором стояла роговая чернильница, лежали гусиные перья и бумага; затем еще двое крепких мужчин – по-видимому, телохранители, и наконец рядом с ними – самый большой человек из всех, кого я когда-либо видела.

Я смотрела на этого великана с опаской. Густые черные волосы падали на лоб почти до самых бровей, густых и низко нависающих над глазами. Такими же волосами заросли руки, привлекающие внимание из-за закатанных рукавов. В отличие от прочих мужчин, каких я здесь встречала, великан не был вооружен, если не считать маленького ножика, высушенного из-за верхнего края чулка. Я с трудом разглядела

рукоятку в чаше густых курчавых волос, которыми покрыты были ноги над чулками. Широкий кожаный пояс охватывал талию объемом не меньше сорока дюймов, но на поясе не было ни кинжала, ни меча. Несмотря на устрашающие габариты, лицо у этого человека было вполне дружелюбное и даже доброе; он о чем-то бойко переговаривался с узколицом, который рядом со своим собеседником выглядел марионеткой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.